

НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ!

ОФИЦЕРЫ

★ ЛЕВ ПУЧКОВ ★

ТАКТИКА ВЫЖЖЕННОЙ ЗЕМЛИ

Лев Пучков
Тактика выжженной земли
Серия «Русское Бюро», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167882
Тактика выжженной земли: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-27672-1*

Аннотация

С такой ситуацией бывалые офицеры группы полковника Иванова еще не сталкивались. В тихом Черном Яре, куда их забросила очередная оперативная разработка, идет настоящая война. Шеф местной службы по контролю за оборотом наркотиков, похоже, ввел в районе свои законы. Стучат пулеметные очереди – это без суда и следствия расстреливают наркоторговцев, полыхают коттеджи наркобаронов, на подступах к городу безжалостно уничтожаются наркокурьеры. И в то же время в самом городе идет легальная торговля легкими наркотиками. Команда полковника Иванова проникает на секретный объект, откуда исходят жесткие и подчас безумные приказы...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	29
Глава третья	66
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Лев Пучков

Тактика выжженной земли

Некоторые события, описанные в книге, выдуманы.

Названия ряда населенных пунктов, учреждений и организаций намеренно изменены. Изменены также многие фамилии, встречающиеся в тексте.

Глава первая Сергей Кочергин

Третьего августа 2005 года, в 20.07 мск. разведгруппа «Русского Бюро»¹ в составе Валеры Ростовского, Васи Крюкова и вашего покорного слуги прибыла в славный городок Черный Яр и остановилась в пансионате «Торнадо».

Так... Такое впечатление, будто что-то упустил.

Время, место, состав... А, ну да – для тех, кто впервые взял книгу этого автора в руки: я – Сергей Кочергин, старший лейтенант ГРУ, двадцать три года от роду, временно прикомандирован к ЭАБ при НИИ СПР ССНГ под патронажем СПП РФ по ЦФО. Расшифровываю: экспертно-аналитическое бюро при Научно-исследовательском институте

¹ Пучков. Жесткая рекогносцировка. М.: Эксмо, 2006.

стратегических проблем развития стран СНГ, где ректором является наш куратор – спецпредставитель президента России по Центральному федеральному округу. Чем занимаемся конкретно – долго рассказывать, все постепенно прояснится в процессе, а пока что давайте вернемся к пункту нашего прибытия.

«Торнадо» – один из пансионатов, принадлежащих тутошному научно-исследовательскому комплексу. В первоначальном исполнении эти пансионаты были предназначены для проживания импортных физиков, которые наезжают сюда для разных симпозиумов, коллоквиумов и прочих полезных мероприятий. А поскольку в последнее время ученый импорт частенько отсутствует (говорят, приезжают едва ли не на порядок реже, чем при социализме: то ли у нас в Отечестве с физикой неладно, то ли, напротив, у них там все здорово), пансионаты стали работать как обычные коммерческие заведения подобного типа. То есть принимать отдыхающих.

Заведует пансионатом пожилая леди Элеонора Вагановна Дзен-Дистурбова, внешне похожая на «железную» Марго Тэтчер. Для своих продекларированных шестидесяти пяти выглядит очень даже бодро. Перманентная принадлежность к околонучной номенклатуре наложила на характер заведующей неизгладимый отпечаток: с постояльцами Элеонора общается как строгая мамаша с тупыми бесноватыми детишками, склонными к тотальному разрушению и хрониче-

скому воровству сладостей из буфета.

– И что за манера – на ночь глядя?

– А что, это проблема?

– Нормальные люди приезжают в первой половине дня!

– Эмм... Понимаете, мы...

– И слушать не хочу! Ну-ка, сумочки поставили – и быстро заполняем анкеты. Шевелитесь!

Обратите внимание – ни даже намека на вежливую почти-тельность, свойственную вышколенному персоналу европейских учреждений подобного типа. Как с таким отношением ей удалось всю жизнь проработать с иностранным контингентом? Подозреваю, что этот контингент на досуге немного резвился вовсе не по-европейски, а потом, в обмен на лояльность персонала, готов был терпеть такое вот совковое отношение.

– У вас брата-близнеца нету? – поинтересовался Ростовский.

– Так... А чем вызван такой провокационный вопрос?

– Да так... Был у меня командир полка, похож на вас – как две капли...

– Не надо ерничать, молодой человек. Вот бланки, садитесь и заполняйте.

– Не надо командовать, – поддержал Вася коллегу. – У нас и без вас хватает начальников. Так что давайте не будем взаимно невежливы...

– Давайте-давайте. Шевелитесь быстрее, мне надо до де-

вяти с вами разделаться.

– А что в девять?

– «Спокойной ночи, малыши».

– ?!

– С внучкой посмотреть надо. А то – скандал.

– Ну-ну...

Между тем Элеонора – наиболее доступный для нас источник информации (старый аппаратный кадр, наверняка до сих пор сотрудничает с местными чекистами), посему с первой же минуты знакомства с ней следовало «наводить мосты». И я, конечно, не Костя Воронцов – мастер спорта по задушевному общению, но решил эту функцию узурпировать. Потому что Ростовский с Васей, как видите, отнеслись к пожилой леди без особого пиетета. Наверное, ожидали увидеть тут ледей помоложе.

– Скажите, а почему – «Торнадо»?

– Вы шутите? Вы что, не знаете природу происхождения этого названия?

– Мы впервые в вашем городе. Так что заранее просим прощения за невежество...

– О, ничего страшного! Я вам все расскажу...

И тут же, мгновенно, проступил на вроде бы монолитном полотне чеканной гравюры «Элеонора» этакий живительный штришок: «железная леди» не чужда обычной провинциальной склонности к многословию, любит поболтать на отвлеченные темы и ценит внимательного слушателя.

– Вообще-то до недавнего времени пансионат назывался «Баварский подвальчик»... А «Торнадо» – это с начала лета сего года.

– А чем это вызвано?

– А вот слушайте...

В общем, пока Ростовский заполнял анкеты, Элеонора кратко познакомила нас с основополагающими аспектами местного фольклора.

Оказывается, наукоград строил товарищ Берия. Ну, не то чтобы лично мастерком орудовал или кирпичи таскал: он по заданию товарища Сталина осуществлял общее руководство со всеми отсюда вытекающими. А собственно все здесь строили пленные немцы. И вот этот пансионат – тоже. Бригада, которая занималась строительством, состояла целиком из уроженцев Баварии. Отсюда и название – в благодарность от эков-ученых мастеровитым фашистским хлопцам...

– Эти баварцы, если еще живы, сейчас совсем деда, – заметил Вася Крюков. – Наверное, дуют щас там у себя баварское пиво и вспоминают...

– Да нет, никто ничего не вспоминает...

– Ну почему же? – Вася мудро прищурился. – Это, вообще, символично. Мы, типа, с Россией воевали – да не завоевали. А потом в плен попали и где-то на гадючьих болотах наукоград строили. Теперь, значит, там всякие пизики со всего света науку двигают...

– Никто. Ничего. Не вспоминает, – сурово отчеканила

Элеонора (да – «пизики», это, пожалуй, перебор... Да и – «гадючыи болота»...)

– Ну почему же?

– Да потому. Всю бригаду расстреляли в подвале этого дома.

– ???!!!

– А вы как думали? Наукоград – строго засекреченный объект атомной отрасли. Проектом руководил некий лысый грузин – фамилию напомнить?! В общем, всех немцев, что тут строили, вывели в расход. До единого человечка.

– Ну ни фига се...

– А что вы хотели? Это же враги. Поехали бы, рассказали у себя в Баварии, где тут что и как...

– Значит, «Баварский подвальчик»?!

– Угу...

– И сколько лет?

– Да как основали – с пятидесятих годов.

– Ну-ну... А почему с начала лета – «Торнадо»? Тоже с какой-нибудь подоплекой?

– Обязательно!

– И что там, если не секрет?

– Вообще-то секрет...

– Ну же, Элеонора Вагановна!

– Ну, если только в порядке исключения – лично для вас...

Оказывается, местные ученые, помимо всего прочего,

занимаются разработкой метеорологического оружия. Это, естественно, совершенно секретная военная тайна, но местные почему-то все до единого об этом знают. Просто потрясающая осведомленность. Ну вот они там разрабатывали это самое оружие, напрягались в поте лица, вкалывали как папа Карло, а первого июня, в честь праздника, решили маленько расслабиться.

Гуляли в этом пансионате.

– И не спрашивайте, почему именно здесь – это уже совсем тайна...

Ладно, тайна так тайна.

Далее, за полночь, когда уже все нафизичились до молекулярного состояния, кто-то вспомнил, что чего-то там на работе недоделали. Сели на служебный автобус, который их сюда доставил, и поехали на работу. Там по причине вышеизложенного неадекватного состояния чего-то неправильно соединили, замкнули, не туда нажали...

В общем, результат: в Америке затопило целый штат, а у нас тут образовался смерч, который снес, к известной матери, половину деревьев в местных парках, вырвал с корнем телеграфные столбы на автомагистрали и таким образом парализовал на сутки движение железнодорожного и автотранспорта на всем северном направлении.

Короче, погуляли...

– Неужели правда?

– А как вы думаете? Будете ездить по округе, посмотре-

те – до сих пор кое-где поваленные деревья распиливают и увозят на грузовиках!

Да уж... Не совсем понятно, что это такое: этакий местный околonaучный трэш или все на самом деле так сурово и неоднозначно...

– А когда остальные подъедут? (Мы оформили коллективную заявку на два семейных номера.)

– На выходные, скорее всего.

– Понятно. Вот ваши ключи. Двадцать первый, двадцать второй номера, второй этаж. Располагайтесь сами, если будут вопросы – кабинет номер один в конце этого коридора, попросту – администраторская. Но! С девяти до девяти двадцати – не беспокоить.

– Да, мы уже в курсе – просмотр вечерней сказки.

– Ну вот и хорошо. Так...

Элеонора, прищурившись, внимательно осмотрела нас и выдала рекомендации по правилам поведения.

– Девчат не водить. – Сие высказывание было адресовано Валере Ростовскому...

– В окна не лазать... – а это уже Васе...

– Телевизор и радио не разбирать, плафоны не снимать! – ну и мне досталось малость.

Однако! В секунду разложила постояльцев по полочкам, безошибочно определив, кто во что горазд.

– Че это я – в окна?! – надулся Вася. – Я, между прочим, не дикий какой-нибудь вам...

– А давайте я сам разберусь насчет девчат! – хмуро про-
бурчал Ростовский. – Чай, большой уже, оформлять опеку-
нство не обязательно.

– Разбирайтесь где хотите. У нас тут хватает мест, где
можно заниматься развратом и прочими сопутствующими
гадостями. А «Торнадо» – приличный семейный пансионат.

– Ага, приличный! – Ростовский злорадно хмыкнул. – Так
нализались, что целый штат затопили!

– Так это же не в пансионате. Это на работе. А здесь все
было пристойно. Доктора наук, профессура... Гхм-кхм...
Короче, будете нарушать – выселю. – Элеонора приятно
улыбнулась. – А при форс-мажорном выселении деньги об-
ратно не возвращаем.

– Чего это вдруг?

– Анкеты подписали?

– Ну?

– Так почитайте еще разок. «С правилами поведения
ознакомлен, обязуюсь выполнять, в случае нарушения го-
тов...» и так далее.

– Вот черт... Предупреждать надо!

– Читать внимательно надо.

– У нас вообще-то социализм давно кончился...

– А у нас нет.

– Мы вообще-то вам деньги заплатили...

– А у нас тут хватает желающих платить деньги. Так что
это не повод для разгильдяйства.

– Ну е-мое... Куда мы попали?

– Да все нормально, попали вы куда надо. На вид вы вполне симпатичные молодые люди, так что ничего страшного – жить можно. Главное, не злоупотребляйте, и все будет нормально...

Пару слов о «Торнадо». Пансионат располагается в живописной излучине великой русской реки, на опушке не менее живописного соснового бора, что вольготно раскинулось неподалеку от северного выезда из города. Дом трехэтажный, кирпичный, стены метровой толщины, потолки – в три человеческих роста (это если мерить нормальным ростом – не Васиным).

В пансионате пусто. Знакомые подробно просветили меня: в теплое время года основной наплыв публики, склонной платить за комфортный отдых, приходится на выходные. Те, кто платить не желает, приезжают с палатками или просто на машинах. Живописных мест для кемпингов здесь хватает, «дикарей» никто не гонит, но местные пожарные, милиция, природоохранные службы и самодеятельный Гринпис лютуют не по-детски: непрерывно и зорко следят, штрафуют за любое нарушение – распитие на опушке (а для чего приехали, спрашивается?!!!), мусор на берегу, рыболовство, плавание в неположенных местах, и так далее – за неправильный костер, например, вообще сразу дело заводят. Социализм, короче. В пансионатах же все оборудовано для активного отдыха, огороженные пляжи, стационарные манга-

лы, спортплощадки и ряд других прелестей: иными словами, те, кто отдыхает за деньги, чувствуют себя привилегированным классом.

Наши «семейные» номера на втором этаже в конце коридора. Чисто, опрятно, но в целом, как в ведомственных советских санаториях: небольшая прихожая с холодильником и встроенным платяным шкафом, совмещенный санузел с ванной и собственно жилая площадь – огромная квадратная комната. В трех углах – полутороспальные кровати, у каждой – тумбочка военного образца (на одной – массивный черный телефон с диском и гербом), в четвертом – телевизор на подставке, на стене – радиоточка, посреди комнаты большой круглый стол с тремя стульями. Никаких тебе изысков, типа кресел и дивана – вся эта благодать в холле, на другом конце коридора. Лоджии нет, имеется маленький балкончик с двумя плетеным креслами.

Вид на Волгу присутствует. И потрясающий вид, я вам скажу: непривычные к такому роскошеству горожане, наверное, надолго впадают в экстаз и потому не обижаются на сугубо социалистический антураж.

Да и вообще, здорово здесь. Чистый воздух, тишина, пейзаж – просто застрелись!

И – ностальгия. Как будто сели в машину времени и приехали в семидесятые. Здравствуйте, товарищи!

Очень может быть, что именно вот за этим сюда и приезжает деловой люд из столицы. Купи себе немного ностальгии

на выходные и почувствуй разницу...

Гараж в пансионате отсутствует как функция. Тех товарищей, для кого тут все строили, возили на служебном транспорте. Им не надо было. А все прочие обходятся парковочной площадкой, что оборудована на заднем дворе – аккуратно под нашими окнами. Туда мы и поставили свои машины. При большом стечении отдыхающих такое расположение, конечно, будет доставлять некоторые неудобства (особенно ежели кто наладится в три утра на зорьку), зато своя техника всегда под контролем.

При более детальном рассмотрении выяснилось, что во встроенном в стену прихожей платяном шкафу имеется сейф. Или, если точнее, нескораемое хранилище для документов. Открываем шкаф, видим три обычные ореховые панели (спинка и боковые). Выдвигаем правую панель на себя, за ней видна стальная дверка со скважиной для ключа. Хранилище, вмурованное в стену, имеет полтора метра в высоту и не более полуметра в ширину. Если примерно, навскидку – в самый раз для хранения охотничьего оружия. Или... для нескольких чертежных тубусов со схемами. Кто знает, чем тут импортные научные хлопцы занимаются?

Сходил во второй номер – и там в шкафу точно такое же хранилище. Видимо, тут такой общий стандарт для всех номеров. Переждав опасное время (пока сказка не кончилась), прогулялся вниз, уточнил у Элеоноры насчет этих хранилищ.

– Да, это для секретных документов. Ключи даем только научным сотрудникам, которые работают с документами «на вынос». Или постоянным клиентам, у которых есть охотничий билет.

Я предъявил удостоверение НИИ СПР ССНГ, проникновенно сообщил, что мы тут вообще-то не совсем отдыхаем... а на досуге будем работать с совершенно секретными документами... и после недолгого взвешивания ситуации был награжден двумя ключами.

– Дубликатов нет, – лучезарно улыбнулась Элеонора. – Если что-то запрете и потеряете ключи – будет куча проблем.

– То есть как это – нет дубликатов? Не существуют в природе?

– В пансионате нет. Дубликаты в «секретке» исследовательского центра. Если теряет наш сотрудник – проводят расследование, составляют акт и в своей мастерской делают новый замок и два ключа к нему. Потом дубликатом открывают старый замок и ставят новый. После этого старый замок и оставшийся ключик к нему уничтожают.

– О как!

– А вы как думали? Вдруг кто-то украл этот ключ? Тут люди работают с секретными документами, рисковать нельзя.

– Понятно. А если ключ потеряет не сотрудник, а просто отдыхающий?

– Если отдыхающий – процедура та же, просто он платит

за это.

– А что, уже бывало такое?

– Бывало.

– И сколько стоит все это удовольствие?

– За все – одиннадцать тысяч рублей.

– Шутите?! За допотопный замок и пару ключей к нему – триста евро?!

– А не теряйте. И платить не надо будет...

Я сложил в хранилище выданные мне под расписку шпионские причиндалы и свой ноутбук, запер дверку, ключ уложил в потайной карман джинсов, а карман застегнул на «молнию».

А вообще все тут организовано правильно. Замок мощный, дверка толстая, основательно утоплена вглубь, если вдруг что – замучаются ломать. По-другому открыть хранилище нельзя, разве что втихаря снять слепок с моего ключа. А я не дам снимать.

Все-таки здешний первый отдел не зря ест свой бутерброд с салом. Вот говорят: все развалилось, система умерла. Значит, кое-где не совсем умерло. Работают люди!

Разместились, наскоро привели себя в порядок после дороги, пошли проводить рекогносцировку и заниматься организацией питания. Мелочь вроде бы, зачем упоминать? Да просто возникли вполне закономерные опасения: если здесь все по социалистическому укладу живут, то в будний день после девяти вечера еды нигде не достанешь. Мы-то с Ро-

стовским ладно, перетерпим до утра... Но с нами, прошу помнить, потомственный зверолов Вася Крюков. В последний раз питались в обед, до полуночи осталось два с половиной часа, попробуй не покорми – ночью на охоту пойдет. Нам это надо? Не надо. Не стоит начинать работу в чужом городе с мелких пакостей. Да и вообще, пока время для безделья есть, надо как следует осмотреться на местности.

В самом пансионате еды для нас не было.

– Манную кашу будете?

– Шутите?

– А что? Я внучку кормлю – ничего, ест...

Ничего более существенного не нашлось. На первом этаже был просторный обеденный зал с несколькими столами, стульями и кухонным уголком: плитой, разделочным столом и мойкой. Отсюда можно было пройти на террасу – тоже со столиками и стульями, рядом с которой, под навесом, был оборудован дровяник, мангалы и огромный очаг с решеткой для барбекю, сосисок и вообще всего, что можно жарить на открытом огне.

– А сотрудники тоже каждый вечер шашлык жарят?

– Вообще-то сотрудников кормят на рабочем месте. Три раза в день. Привозят уже сытыми, после ужина. Но...

– Да?

– Знаете, все равно почти каждый вечер дрова жгут... – Элеонора свойски подмигнула. – Сидят до часу ночи, жарят на решетке все подряд – сосиски, колбасу, сало... А под это

дело, бывает, так нарежутся – утром некоторые без посторонней помощи до автобуса добраться не могут, чтобы на работу ехать...

Помимо столовой без еды, на первом этаже имелся киоск с сувенирами и прочими ненужными вещичками, а также двойная телефонная cabina для международных разговоров. Элеонора заверила, что, несмотря на возраст, cabina работает как швейцарские часы, потому что обслуживается узлом связи исследовательского центра.

На этом весь пансионатский сервис и заканчивался. Социализм так социализм, нечего тут баловать клиента разными излишествами.

Международно говорить мы не стали – не с кем было пока что (да и прослушивается – сто пудов, зря, что ли, обслуживается ведомственным коммутатором?). А в киоске глазастый Вася заметил туристическую схему Черного Яра, которую нам тут же, не смущаясь отсутствием мерчандайзера, собственноручно продала пани Элеонора.

Задав ряд наводящих вопросов, мы с огромным облегчением узнали, что круглосуточные магазины еды в городе имеются, получили два адреса и поехали осваивать окрестности.

* * *

В шесть утра Ростовский растолкал нас с Васей и сооб-

шил, что мы должны немедленно выдвигаться в сосновый бор для утренней пробежки.

Меня такое рацпредложение изрядно удивило: Ростовский – «сова» и в обыденности ко всем утренним мероприятиям относится враждебно.

Вася воспринял инициативу без энтузиазма, но вполне ответственно. Молча встал и начал одеваться (все-таки говорится воспитание Петрушина). А меня такой физкультуривет внезапно пробил на продуктивную идею из области оперативно-разыскной тематики.

Я тоже облачился в спортивную форму, вышел с физкультурниками на улицу, но никуда не побежал, а в двух словах объяснил им суть идеи, и мы быстренько состряпали фотосессию на фоне ленивой утренней Волги, подернутой романтической туманной дымкой. Последовательность сетов: я – Вася, я – Ростовский, Ростовский – Вася, Вася один – но с сосредоточенно-тупой физиономией.

Потом я вернулся в номер и за двадцать минут смонтировал в «фотошопе» ряд картинок с использованием материалов оперативной съемки.

Я такими экзерсисами балуюсь давно, изрядно набил руку... но в этот раз получилось не очень хорошо. Нет, собственно с монтажом – совмещением фонов, подгонкой по цветам, яркости и контрасту – все было в порядке. А вот в стилях поведения был явный тематический разнобой.

По замыслу мы все на снимках должны были выглядеть

друзьями. Но поскольку дилер всегда был запечатлен в моменты, когда он получал товар у Анвара, выглядел он мрачным и напряженным, и поправить это никак не получилось.

Вася же с Ростовским должны были дружелюбно смеяться, глядя на пустое место, куда я потом вставил дилера. Желая помочь мне, они в самом деле добросовестно улыбались по команде... но получилось почему-то отнюдь не дружелюбно, а как-то хищно и многообещающе. Типа того: ну все, голубчик, беги за вазелином – скоро мы доберемся до твоей тушки...

Однако особого выбора у меня не было – негде взять другие выражения лиц, так что пришлось довольствоваться тем, что есть.

После завтрака мы прокатились в ближайшее фотоателье и распечатали мои гнусные подделки, по три копии с каждого снимка.

Потом, сверившись со схемой, поделили правобережье на три неравные части и отправились отрабатывать свои сектора. Судя по количеству населения, Черный Яр – небольшой город, но по площади он довольно обширен (многие объекты, как говорят местные, значительно удалены друг от друга на случай ядерного удара), так что левый берег мы планировали отработать завтра.

Мне досталась южная часть, Ростовскому – северная, а «безлошадному» Васе Крюкову (у нас всего две машины) – центр с бульваром, обширным запущенным парком и набе-

режной.

Работать планировали в таком ключе: показывать фото праздным дамам в районе семидесяти и далее, ласково улыбаясь, интересоваться, не видели ли они вот этого славного парня, запечатленного в центре портретной группы. Для чего нам славный парень? Да вот, мы весело отдыхали вместе, и он забыл у нас свой фотоаппарат. Ну да, потому-то личико такое грустное – видимо, предвосхищал он, что непременно что-нибудь забудет во время этого напряженного отдыха.

Так что теперь неплохо было бы отдать – вещь дорогая, нехорошо расстраивать человека...

Почему именно в районе семидесяти и далее? Потому что, если спрашивать всех подряд, есть риск напороться на близких знакомых или друзей, которые с ходу предложат позвонить разыскиваемому или даже прокатиться к нему домой. А в случае нашего отказа потом сообщат ему: тут тебя искали, так что делай выводы. В общем, сами понимаете, если такое произойдет – вся наша конспирация насмарку.

Бабушки, конечно, тоже могут сообщить «объекту» при встрече, что его искали, но тут имеет место совсем другая категория восприятия информации: пожилые люди вечно что-то путают, страдают рассеянностью, забывчивостью и так далее.

Вот поэтому и выбрали такой «фильтр», значительно ограничивающий категорию опрашиваемых. Особо торопиться нам некуда, лучше перестраховаться и потратить

больше времени на розыски, чем делать все быстро, но с риском загубить на корню всю работу в самой начальной стадии.

Я свою «делянку» прополол часа за три и к полудню возвратился в пансионат. Мой личный результат был равен нулю – зря только бензин потратил. Делая ставку на праздных бабушек, мы не учли некоторых местных особенностей и в итоге маленько промахнулись. Следовало бы помнить, что все эти дамы «в районе семидесяти и далее» в свое время трудились на режимных объектах закрытого города и имеют поистине кагэбэшную выучку.

Короче говоря, пришлось изрядно попотеть, объясняясь с некоторыми особо дотошными экземплярами и на ходу додумывая правдоподобные детали: для чего же на самом деле нам нужен этот славный парень с грустным лицом. Сказка о забытом фотоаппарате для тутошних бабушек оказалась не совсем ликвидной, а местами совсем глупой и даже оскорбительной.

Наш великий разведчик уже был «дома»: валялся на кровати, обложившись и обставившись пакетами с соком, чипсами и конфетами и... читал Воннегута.

Читающий Вася Крюков – явление достаточно неординарное. Меня такое отклонение изрядно озадачило, и я стал интересоваться, что это за чудовищный катаклизм произошел в центре города, пока мы с Ростовским раскатывали по окраинам.

Разведчик не стал запариться и честно рассказал мне, как он провел три часа, отпущенные на оперативную работу.

Прогуливаясь по парку, Вася напоролся на группу местных детей, с которыми какой-то очкастый массовик-затейник проводил юмористическую викторину (говорю же, тут до сих пор социализм – в полный рост!). Дело было на открытой летней площадке с кучей лишних скамеек, для нашего разведчика такое мероприятие было в диковинку, поэтому он присел сбоку и немного послушал.

И надо же – как раз в тот момент, когда Вася присоединился к группе развлекающихся детишек, массовик задал вопрос, который поразил разведчика до глубины души и вызвал долговременное смятение чувств.

Вопрос звучал примерно так: «Немецкий фельдфебель Отто Шац никогда не пользовался ЭТИМ при отправлении гигиенических процедур, поскольку не был уверен, что при производстве ЭТОГО всегда использовался стерильный и абсолютно здоровый материал. Итак, что ЭТО такое?»

Детишки, задорно хохоча (а викторина-то – юмористическая), хором ответили – мыло.

А Вася не понял. Ни юмора, ни сути вопроса. Ну и поинтересовался, почему – мыло? Ему тут же популярно объяснили.

– Ты в курсе, что они из людей мыло варили?! – с надрывом уточнил Вася, прерывая повествование.

– Да, Вася, в курсе. Это же в школе проходят. Зверства

фашизма и все такое прочее.

– А, ну да – в школе... (Наш разведчик в школе не учился, недосуг, надо было зверей ловить – это такой семейный бизнес.) Ну, я тебе скажу, они и лютые, эти баварцы! Чехи против них – просто эти... ну, блин, как их – младенческие бараны...

– Агнцы?

– Во, точно – агнцы. Подумаешь – глотки режут да головы рубят. А тут – мыло...

В общем, эта викторина подвигла Васю на решительный поступок: он вдруг понял, что совершенно случайно ряд интереснейших моментов истории просквозил мимо него просто со сказочным свистом, и тут же пошел и записался в библиотеку, которая находится неподалеку от парка.

– Ну ты даешь, коллега! Ты же засветился.

– Да, паспорт пришлось показать, – виновато кивнул Вася. – А что делать? Без паспорта записывать не хотели. И то – прописка неместная, сначала не хотели – типа, вдруг уедешь и книги утащишь. Пришлось дать в залог пятьсот рублей...

В библиотеке Вася попросил дать ему что-нибудь доступное про войну и плюс еще что-то конкретное про концлагеря. Дали «Фабрики смерти Третьего Рейха» и на выбор предложили одну книгу с полки по военной тематике (больше двух в руки не дают). Вася, недолго думая, выбрал «Бойня № 5». Никаких стилистически обособленных предпочтений – просто название понравилось. И правда, хорошее такое на-

звание, теплое, многообещающее.

Получив книги, Вася забросил оперативную работу и отправился «домой». А по дороге купил дополнительной еды, поскольку для него чтение книги – дело изрядно трудоемкое и требующее больших энергетических затрат.

Первым делом он стал читать «Фабрики» – про мыло хотел узнать побольше, но протокольный стиль быстро его утомял, и Вася переключился на «Бойню». Тут дело пошло заметно веселее.

Вот так мы организовали оперативную работу.

Чуть позже позвонил Ростовский, сообщил, что тоже имеет в активе дубль пусто, и обедать мы можем без него, поскольку он нашел очень ценный источник информации и в настоящий момент занимается его разработкой.

Короче, как и следовало ожидать, наш дон Хуан познакомился с какой-то симпатичной дамочкой и занимается организацией своего личного досуга на ближайшие выходные. И теперь выходит, что по работе у нас у всех дубль пусто и докладывать в Москву, собственно, не о чем...

Тут я спохватился и мимолетно, без всякой надежды уточнил у Васи, не прогуливался ли в районе библиотеки наш дилер.

Вася так же мимолетно, глядя в книгу и сосредоточенно хрустя чипсами, протянул мне покрытый жирными отпечатками пальцев листок.

На листке Васиным почерком были накарябаны имя, фа-

милия, адрес и телефон, а внизу еще приписано: «был врачом скотопомощи», «т» зачеркнуто, сверху добавлена «р».

– Так... И кто это у нас?

– Это наш дилер.

– Не понял... Это что, шутка такая?!

– Не-а...

Тут Вася периферийным зрением отметил крайнюю степень удивления на моей физиономии, отвлекся от книги и, излучая большое профессиональное удовольствие, сообщил следующее. Когда он брал книги, фотографии положил на библиотечную стойку. Библиотекарь, пожилая культурная дама, увидела фото, сообщила, что тут запечатлен ее знакомый, и поинтересовалась, а по какому поводу запечатлен?

Вася объяснил: ищем. Однако врать не стал. Библиотекарь на вид умненькая, Вася подумал, что соврать убедительно не получится, и просто сказал: у человека проблемы, надо быстро найти, иначе он попадет в беду. Библиотекарь сразу согласилась: да, говорит, мальчишка из прекрасной семьи, был врачом на «Скорой помощи», потом с работы выгнали, развелся, в последнее время все в его жизни как-то неправильно. Одним словом, запутался...

Ну и дала его координаты.

Итак, Вася Крюков, на которого в принципе мы даже и не возлагали никаких надежд (он мастер войсковой разведки, но как оперативник пока весьма слаб) нашел нам дилера.

Все, задача первого этапа выполнена. Можно докладывать

в Москву и начинать работать.

Глава вторая

Дилер

Незадолго до старта эпохи освоения правобережного рынка один из камрадов Люды попал в небольшую передрягу.

Камрад откликнулся на прозвище Измена, объективно данное ему друзьями за некие личные качества, а небольшой передрягу можно было считать потому, что хотя вес экспроприированного им порошка и составлял девяносто граммов (это довольно приличная сумма), но проблему запросто можно было решить.

Тут вся соль в том, у кого он отнял порошок, при каких обстоятельствах и как после этого себя вел.

Но сначала – о неких личных качествах. Как говорится, для полноты картины.

Можно было бы просто сказать, что Измена – трус, но это очень общее и для данного случая совершенно убогое определение. Скажем так: Измена был высочайшим профессионалом по данной части. Возможно, он не являлся чемпионом мира по стремингу, но в первую десятку входил однозначно. Да, стреминг – это обиходный термин местных камрадов, производное от «стремно» и «стрематься» (перевод: «страшно» и «бояться»).

Всю свою сознательную «наркомовскую» жизнь Измена

работал «ногами» у одного из торквеловских барыг. На улице он вел себя как трижды раненный в задницу интендант в районе боевых действий: всегда выбирал такие места, где можно было прижаться спиной к стене и имелся отличный обзор подступов к точке стояния. Выберет такое местечко, прижмется к стеночке, стоит, весь обратившись в слух, и непрерывно сканирует окрестности, вертя башкой на сто восемьдесят градусов. Если ему казалось, что кто-то из постоянных клиентов (а с другой категорией он и не общался) ведет себя подозрительно, он тотчас же бросался бежать сломя голову и в тот день на «точку» уже не возвращался.

Хорошо – постоянные. Знали, где найти и какие слова сказать. А то ведь такими темпами можно было весь бизнес на корню порушить.

Находясь в помещении, Измена большую часть времени проводил у входной двери. Либо пялился в глазок, либо, припав ухом к двери, слушал подъезд, вздрагивая от каждого шороха. Такой образ жизни доставлял Измене немало трудностей и неудобств, но бороться с этим он даже и не пытался. Просто привык, и все тут.

Примечательно, что на всем протяжении «ножной» карьеры Измену ни разу не «приняли». Может, поэтому и была у него такая психопатическая форма мировосприятия: поймали бы хоть разок, глядишь, и понял бы, что вовсе это не так страшно, как мнится. С другой стороны, может быть, потому и не приняли ни разу, что он так активно дрожал каж-

дой клеточкой своей отравленной сущности. Короче, тут сам черт ногу сломит.

Когда грянуло щедро пролоббированное «баронами» постановление № 231, «ноги» всей нашей великой страны с большим облегчением вздохнули и перешли на легальную схему. Теперь любой олух мог иметь «на кармане» 0,9 грамма без риска заполучить статью. Лепота!

Измена повел себя в данной ситуации странно: по-прежнему таскал с собой пять граммов (примерно треть его обычной дневной нормы продажи), все так же крутил башкой на сто восемьдесят и продолжал изображать раненного в известное место военного интенданта. Дружеские разъяснения «коллег» по поводу этого волшебного указа он попросту игнорировал:

– Да это все фигня! Мало ли что – постановление, «таблица»... Это все лажа. Если им надо будет – все равно посадят. Так что лучше не попадаться...

Анализируя эту ситуацию сейчас, я понимаю, как врач, что у Измены с течением времени просто развилась мания. Он настолько привык постоянно бояться, что уже не мог без этого обходиться. В буквальном смысле «подсел» на стрейминг, как на наркотик. Но камрады Измены ничего анализировать не стали, а просто махнули на него рукой, руководствуясь принятым в их среде правилом: каждый сходит с ума как хочет, главное, чтобы это не было опасно для окружающих.

Возможно, наш чемпион-бояка таким манером резвился бы и по сей день, но наступил наконец тот самый ключевой момент, которым он жил и дышал все эти годы.

Измену «приняли». С пятью граммами на кармане. Попал, бродяга...

Он был так потрясен произошедшим, что в буквальном смысле впал в ступор. Товар не «скинул», «отмазываться» даже и не пробовал, мало того, мгновенно сдал с потрохами своего дилера!

Ну, дальше уже сугубо процедурные вопросы: понятно, что Измениному барыге пришлось хорошенько попотеть и как следует раскошелиться, чтобы «разрулить» эту ситуацию.

После этого с Изменой провели воспитательную работу. Не буду строить загадочную рожу и интриговать на ровном месте: его просто долго и обстоятельно били и при этом настойчиво рекомендовали не носить в кармане больше 0,9 грамма. Никогда и ни при каких обстоятельствах!

По окончании процедуры Измена проникся всей полной корпоративной ответственности и поклялся, что впредь будет работать точно так же, как это делают остальные благоразумные «ноги». Ну их в гудок, все эти стреминги-экстримы. Жизнь дороже.

В новом для себя формате Измена существовал ровно трое суток. Видимо, отсутствие необходимости дежурить у дверного глазка, прижиматься задницей к стене, крутить

башкой на сто восемьдесят и вообще жить в режиме постоянного стреминга было для Измены настолько диким и противоестественным, что его психика не выдержала и дала сбой.

Забравшись в соседский чулан, Измена спер много лет пылившуюся в шкафу двустволку (без патронов) и за ночь соорудил из нее обрез. А утречком следующего дня, натянув вязаную шапочку с наспех вырезанными дырами для глаз, взял на бордаж своего барыгу, направлявшегося на ежедневную раздачу.

Дилер безропотно отдал налетчику заготовленный для «ног» порошок (шесть пакетиков по пятнадцать граммов) и спокойно направился к месту сбора. Сотворить такую глупость мог только кто-то из своих, осведомленных о маршруте и графике перемещения дилера. И очевидно, что у этого «своего» не все в порядке с головой. Потому что любой товарищ в здравом уме должен отдавать себе отчет, что жизнь его после этого будет безрадостной и очень недолгой.

Приезжает дилер на место сбора – пятеро «ног» ждут, а Измены нет. Все ясно, вопросов нет...

Сразу после ограбления барыги Измена «ушел в горы»: взял продукты, шприцы и засел где-то на чердаке, то ли в подвале – в общем, пропал.

Наверное, в эти дни он был счастлив. Лето, тепло, стремно... Лежал где-нибудь на чердаке, весь обратившись в слух, припав глазом к проверченной в шифере дырке, и сканиро-

вал окрестности, вздрагивая при виде каждой знакомой рожи. Порошка, что он отнял у барыги, ему хватило бы месяца на полтора (если «ставиться в одно лицо»). Деньги, вырученные за проданный накануне товар, он не сдал.

Короче, жить можно. Хоть недолго – зато со вкусом. Полная свобода и жуткая стремнина. Поймают – убьют. Без вариантов. Так что стреминг на все сто: лежи себе, втыкайся сколько влезет и бойся до посинения.

«Бароны» между тем Измену не искали. Куда он, на фиг, денется с подводной лодки! Порошок кончится – прибежит. Да, кстати, насчет порошка. Под дверь сунули записку: *«Верни деньги и товар – и будешь жить. Штраф – гараж...»*

У Измены от нормальной жизни осталась хорошая квартира в престижном районе и великолепный кирпичный гараж с отоплением. Машину давно продал. Гараж за такие выкрутасы – это еще по-божески. Это просто амнистия в полном смысле слова.

Думаю, тут все дело в том, что Измена далеко не мальчик, раньше он был уважаемым гражданином, примерным семьянином, работал в «закрытом» учреждении, и многие по инерции продолжали к нему хорошо относиться. Наверное, поэтому и решили его пощадить – все-таки товарищ заметный, это тебе не какого-нибудь бомжа на свалку выкинуть.

Однако явка с повинной не состоялась. То ли заметный товарищ не появлялся дома и был не в курсе насчет записки, то ли окончательно ошизел в своем разнузданном стреминге

и вообще перестал мыслить хоть сколько-нибудь рационально.

В один теплый дождливый вечер Измена выполз из своего убежища, чтобы запастись продуктами. На обратном пути он напоролся на двух своих клиентов, которые как раз топали за граммом к кому-то из других «ног». Клиенты обрадовались и хотели «перетереть с ним по теме», но Измена вообразил себе невесту что и бросился от них в ближайшую подворотню. Клиенты были на грани ломки и потому соображали туго. По-хорошему, надо было бы оставить товарища в покое, все ведь в курсе, что он жутко «стремается».

В общем, они начали его преследовать, и вскоре вся троица оказалась на вроде бы охраняемой территории ДСК (домостроительного комбината). Измена, спасаясь от назойливых клиентов, не придумал ничего лучше, как забраться в трансформаторную будку. А было мокро, дождик шел...

Непонятно, почему на той будке не оказалось положенного по правилам безопасности замка, но факт – после этого там еще неделю воняло паленым мясом.

Вот так.

Зачем я вообще рассказал эту историю? Да так... Наверное, потому, что мне это все очень близко. Когда-то этот Измена был другом моей и Людиной семей, профессором, самым молодым кандидатом наук в нашем городе и преподавал физику в местном университете. У него была жена, двое детей и блестящие перспективы.

Горечь иронии тут даже не в том, что бывший профессор, презрев законы физики, полез в дождь в трансформаторную будку. Это в принципе легко объяснимо: когда человек «в системе», законы физики для него не работают.

Горечь в том, что «клиенты», от которых он туда спрятался, некогда были его студентами и тоже подавали большие надежды.

Вот такая грустная быль...

* * *

Пробуждение было ужасным.

Мой воспаленный мозг разбухал, как дрожжевое тесто в теплой кухне, и просился вон из черепной коробки. Удобного отверстия с прямым доступом в черепе не нашлось, и мозг пробовал выйти через те, что имелись. Я с трудом дышал через рот, нос был намертво забит, глаза открывать больно – сейчас лопнут, а в ушах от давления на перепонки ритмично тикало и временами как-то нездорово потрескивало.

Уфф! Боже мой, это же как надо себя не любить...

Мне бы сейчас лоботомию – то-то было бы облегчение...

Видимо, кто-то был в курсе моих страданий и как раз сейчас работал в этом направлении: в затылке назойливо сверлило длинными трелями, резонансом отдаваясь во всем черепе и отчего-то сообщая корню языка кисловатый металлический привкус. Меня это здорово удивило: лоботомию во-

обще-то с другой стороны делают...

С трудом разлепив веки, я ощупал затылок и понял, что дрель здесь ни при чем и сверлящий звук имеет несколько иную природу.

– Если выживу, надо будет поменять звонок, – это была первая рациональная мысль сегодняшнего дня. – Какой ужасный звук...

Раньше я как-то не обращал внимания, что у меня такой скверный звонок. Вот ведь как получается: чтобы постичь некоторые свойства вроде бы обыденных вещей, надо привести свой организм в некое особое состояние...

Поднявшись в три приема с кровати, я с минуту стоял, фиксируя панораму и обретая равновесие, и прислушивался к странным ощущениям в теле.

Выяснилось, что, помимо всего прочего, у меня болят все мышцы: как будто я накануне вспомнил молодость и весь вечер разгружал вагон с цементом. Вот те на! И чем же это я вчера занимался?!

Несколько придя в себя, я осторожно направился в прихожую, стараясь при этом держать голову ровно. Казалось мне, что, если утрачу нулевой дифференциал, содержимое моей головы немедля выплеснется на пол.

Из прихожей было видно, что на кухне царит страшный беспорядок. На полу пустые бутылки из-под разных видов крепких напитков, осколки разбитой тарелки, остатки салата, надкусанные куски хлеба, перевернутая пепельница,

окурки и небольшая лужица какой-то непрозрачной жидкости.

Что за животное тут пировало? Так, а я же не курю. Сигареты держу исключительно для гостей... И кто же у меня вчера был? Хотя убейте – не помню.

– Ой-е-е... Это что ж такое? Вот такая избирательная амнезия – это первый признак...

У входной двери была оборудована баррикада. Основу баррикады составляло придвинутое спинкой к двери кресло, в кресле – пенал из кухонного гарнитура, в пенале – гантели, утюг и сковороды, а снаружи – ящик со слесарными инструментами.

Во как! Просто так нас не возьмешь.

Кресло тяжеленное и габаритное, когда мебель покупал, помню, грузчики из магазина полчаса кряхтели, кантуя его через прихожую в зал. Пришлось снимать межкомнатные двери – не пролезало.

Интересно, какой имбицил догадался приволоочь сюда кресло? Если в одиночку – титанический труд. И ночью ведь! Когда вчера я приехал из клиники, кресла здесь точно не было. Бедные соседи...

Неужели это все – я?!

А самое главное, дверь-то наружу открывается. Что же это получается, мозги совсем отпуск взяли?!

Надо же, как все запущено...

Звонок продолжал настырно сверлить.

– Сейчас открою! – собравшись с силами, крикнул я и принялся разукомплектовывать пенал.

Звонок стих. Жить сразу стало ощутимо проще. Волоча гантели в зал, я даже попробовал сосредоточиться для реконструкции событий вчерашнего вечера.

Так... Отчетливо помню: делал себе ужин. По рекомендации Собакина позвонил Мамеду и нахамил. Удовлетворение получил на все сто, местами даже сопоставимое с самым ярким проявлением репродуктивной функции.

Угу... После короткой эйфории накатил приступ панического страха и одиночества. Собакин со своим питомником был далеко, а я – вот он, тут, один на один с отчетливым пониманием происходящего и легко прогнозируемой перспективой ближайшего будущего.

Я ведь не с улицы заскочил, любопытствовать. Я в этом бизнесе, что называется, по самые уши, в курсе, что это такое. И прекрасно представляю, во что ввязался...

Короче, я так напрягся, что почувствовал острый позыв к немедленной релаксации. Нужно было крепко схватить свой страх за горло и безжалостно утопить его в разлитом море огненной воды.

Эмм... Да, кажется, хотел выйти из дому: мне нужна компания, один я обычно не пью. Ага...

И не смог. Страшно было выходить за дверь...

Хотя, если мыслить рационально, злыдни Мамеда чисто физически не сумели бы домчаться от Москвы до Черного

Яра за те несколько минут, что прошли после нашей милой беседы.

В общем, я остался дома. Я человек с достатком, имею приличный запас дорогого качественного алкоголя для гостей и для души... Гхм...

– Ну ты че там, умер?! – глухо крикнул кто-то из-за двери.

– Минуту!

Я эвакуировал инструментарий, неимоверно напрягшись, снял пенал, поставил его к стене и, перегнувшись через спинку кресла, открыл дверь.

Кресло кантовать я не собирался. Это работа для бригады грузчиков. Или вломившегося в припадок берсеркской ярости норманна. Поистине, человек – очень патентное существо. В нем скрыты такие возможности, о которых он порой даже и не догадывается.

На пороге стоял высокий худощавый мужчина в расцвете сил, в сером костюме, с черным элегантным «дипломатом» и суровым взглядом. Лицом мужчина был очень похож на тов. Л. Берия, крепко севшего на диету. Только без харизматичного пенсне.

– Не понял... – Мужчина щелкнул ногтем по обивке кресла. – Это для чего?

– Эмм... Понимаете... Гхм... – Несмотря на крайне скверное состояние, я нашел в себе силы покраснеть от неловкости. Как в двух словах объяснить природу мотивов, заставивших кресло переместиться к двери?

– Понял. Отойди, – скомандовал родственник тов. Берия.

Я послушно попятился. Мужчина в два приема, без особых видимых усилий подвинул тяжеленное кресло, вошел и закрыл дверь.

Здоровый парень. Даром что худой...

Не разуваясь, гость рысьим шагом обошел мои апартаменты, осмотрел зачем-то окна и потолок. Вернулся к двери, открыл, тщательно проверил замки, вновь закрыл. Задумчиво посмотрел на кресло, перевел взгляд на меня и спохватился:

– Так... А ты меня не знаешь?

– Не знаю.

– Нормально... А на фига тогда дверь открыл?

– Эмм... Эгхм-кхм... – Я не нашелся с ответом. Такое скверное самочувствие, что даже думать трудно.

– Ну ты даешь. А если я – киллер?

– Эмм... Гхм...

Ну что тут сказать? Не знаю. Какая-то атрофия мировосприятия. Полная. Вчера трясся от страха, за дверь боялся выйти. В пьяном угаре баррикаду строил. Видимо, чтобы помешать убийцам тихонько проникнуть в квартиру – другие объяснения для такого сооружения просто на ум не приходят.

А сегодня открыл дверь первому встречному. Попросили – и открыл. Без раздумий. Кто таков, понятия не имею.

– Ну, понятно. – Гость внимательно посмотрел на меня и кивнул. Проникся. Сообразительный парень. – Тебе повезло.

Я не киллер...

Он прошел на кухню, ловко переступая через разбросанные на полу гадости, и с минуту сосредоточенно изучал вид из окна.

– ...Но так тебе везти будет не всегда. Я тебя прошу: побереги себя. И нам работы меньше будет...

Гость покинул кухню, прошел в зал и опять принялся рассматривать через окно планировку двора.

– Так... Не понял... Ну и где тут у тебя трансформатор?

– Трр... Кхм-кхм... Какой трансформатор?

– В который ты ночью лазил.

– ???!!!

– Ты что, не помнишь?

– Знаете... Эмм...

– Короче, все ясно. – Гость невесело хмыкнул и кивнул в сторону прихожей. – Здорово ты вчера нализался. Это ж сколько надо выпить, чтобы забыть, в какую сторону у тебя дверь открывается!

– Да, я... Я понимаю... Вообще, странно...

– Еще бы не странно. Как кресло в прихожку попало – тоже не помнишь?

– Знаете... Не помню.

– Ну ты даешь, брат. – Гость укоризненно покачал головой. – Я тебя прошу – не надо так делать. У нас впереди работы неуворот, обстановка очень сложная. Расслабляться будем, когда победим. Если победим...

– Да-да, я понимаю... Я постараюсь...

– А как Собакину звонил, помнишь?

– Помню, – слегка приободрился я. – Вот это помню!

– Интересно... – удивился гость. – По голове не били? Получается: тут помню – а тут не помню. Погоди... А во сколько ты звонил Собакину?

– Вечером, часов в девять.

– А ночью?

– Эмм... Что, я и ночью звонил?

– В половине третьего. Не помнишь?

– Пфф...

Я добросовестно напрягся, пытаюсь припомнить хоть что-то из событий этой кошмарной ночи. И не припомнил. Как будто от непосильного напряжения какой-то предохранитель вылетел: до какого-то момента все помню, потом – шлеп, и привет. Часов на восемь полный пробел.

Зато я узнал о себе много нового. Я, оказывается, в таком «выключенном» состоянии большой безобразник. Неумеренно жру водку «в одно лицо», курю, все бросаю на пол, как нормальный питекантроп, развлекаюсь перемещением мебели по квартире, сооружаю баррикады и в половине третьего ночи звоню официальным лицам.

Здорово. Интересно, что я в таком виде мог сообщить Собакину?

Гость – товарищ весьма толковый, как я успел заметить, не счел нужным более терзать меня загадками и коротко по-

святил в суть. Он раскрыл свой элегантный «дипломат», в котором был ноутбук, и дал послушать цифровую запись нашего ночного перезвона.

Эмм... Ну, нельзя сказать, что Собакин – тип утонченный и добросердечный. Если помните, этот товарищ даже не прочь иногда порукосуйствовать на досуге. Но для грубого сильного человека, разбуженного среди ночи идиотским звонком, вел он себя довольно корректно.

Весь наш диалог приводить не буду сугубо из эстетических соображений.

Мои реплики по большей части состояли из мычания, междометий и всхлипов. Информационное содержание таково: мне страшно, одиноко... И мне кажется... Кажется, я забрался в трансформаторную будку. В связи с этим вопрос: не мог бы Собакин посмотреть – дождь на улице идет или как?

Реплики Собакина, если ставить точки в вульгаризмах, будут больше похожи на скриптограмму (пример: «Ну ты совсем е..., у... ты е...!!!»), поэтому тоже доведу лишь содержание. Собакин уточнил, где я нахожусь, а когда узнал, что дома, выразил неодобрение по факту моего поведения и недоумение по поводу наличия у меня трансформаторной будки.

Внятно ответить насчет наличия будки я не смог, но продолжал настаивать: я в будке. А если сыро, последствия могут быть... Учил ли Собакин физику? Понимает ли, каковы

могут быть последствия?

Собакин опять уточнил, где я, и задал ряд наводящих вопросов (он у меня тут жил несколько десятков часов) по обстановке. Когда убедился, что я действительно дома, выдал ряд скриптограмм, взял с меня слово, что я запрюсь, не буду никуда выходить и никого к себе не пущу. А утром ко мне придут.

Я дал слово, сказал, что пойду запираяться, но по поводу трансформаторной будки продолжал настаивать. Я – там. И очень жаль, если идет дождь...

– Ну так что?

– Понимаете... Эмм... Гхм-кхм... Это, скорее, метафора.

– То есть?

– В моей жизни было некое психотравмирующее событие...

– А попроще?

– Понимаете... Один из моих близких знакомых...

– А, понял! В детстве залез в будку, и его долбануло?

– Да не в детстве. А уже в глубокой зрелости... Эмм... И не просто долбануло...

– Сгорел?

– Да. В прямом смысле.

– И что с того?

– «Что с того»?! Вы шутите?

– Нет. – В глазах гостя застряло странное непонимание. – Знакомый сгорел – а ты-то тут при чем?

– Ну... Даже и не знаю... Понимаете, для меня это было потрясением...

– Понимаю. Ну-ка... – Гость зачем-то схватил меня за руки и начал осматривать предплечья.

– Что вы себе...

– Тихо! Стой ровно...

– Вы невежда, сударь. Наркоманы, как правило, не пьют водку. И не болеют с похмелья.

– А мне попадались такие, что и бухали, и кололись. Причем без системы, а просто так – как на душу ляжет.

– Это большая редкость. Я, например, тоже одного такого знаю. Но это скорее исключение...

– Ну, извини. – Гость, не обнаружив ничего предосудительного, отпустил мои руки и кивнул в сторону ванной. – Давай, быстренько приводи себя в порядок и поехали.

– Куда?!

– Что значит – «куда»? На работу, естественно!

– Эмм... А вы, простите, кто будете?

– Гы-гы... Вовремя спросил. На будущее: вот это надо делать до того, как открываешь дверь.

– Да, я понял. И все же хотелось бы знать...

– Я твой начальник СБ.

– Начальник... чего?

– Начальник службы безопасности твоей клиники. Борис Смирнов. Можно просто Боря.

– Вообще, как-то неожиданно... Скажите, Борис... А раз-

ве в штате клиники предусмотрена такая...

– В твоей клинике – предусмотрена. И хватит выкать, я тебе не начальник и не старше по возрасту. Давай топай в душ, и поехали...

* * *

В клинику мы поехали на моей машине. Борис рулил. Не то чтобы я был совсем уж в ауте, просто он сказал, что мне лучше в таком состоянии за руль не садиться. Ну и ладно.

Когда мы выехали со двора, за нами сразу же пристроилась серая «Мазда».

– Эмм...

– Свои, – пояснил Борис. – Сопровождение. Привыкай.

– Понял...

Клиника располагается не очень далеко от моего дома. Если останавливаться на светофорах и соблюдать ПДД, можно спокойно добраться минут за пятнадцать. (Это я к чему сказал? Привык, знаете ли, в прошлой «безлошадной» жизни: если ты в машине, сидишь рядом с водителем, а в одном из пунктов автомаршрута находится медицинское учреждение – значит, ты на дежурстве и мчишься кого-то спасать. Без правил, кратчайшим путем и с сиреной...)

Проснуться за эти пятнадцать минут я толком не сумел, зато успел потешиться мрачными размышлениями на тему дня. Потравил себя меланхолией. Видимо, виной тому была

неопределенность ближайшего будущего, а также мое скверное состояние, как душевное, так и телесное.

Объектом моих размышлений был пресловутый проект «Л», как любит говорить Собакин. А попросту – ЛЕГАЛИЗАЦИЯ....

Знаете, у меня большие сомнения по поводу этого загадочного проекта.

Нет, я не против легализации как таковой в целом. Идея прекрасная и во всех аспектах правильная, это понятно любому мыслящему члену общества.

Если вы не член... То есть не особо мыслящий... В общем, если не совсем непонятно, я вам, как врач и гражданин, в двух словах объясню, в чем тут прекрасность и правильность.

Первый аспект: санитарно-демографический.

Наркоманы традиционно являются разносчиками опасных заболеваний. В норме это гепатит, в каждом третьем случае – ВИЧ-инфекция. От этого они мрут как мухи, мало того – все их окружение, включая родственников, в любой момент может постичь та же участь. Почему это происходит – ввиду наплевательского отношения к себе, особой личной неряшливости или еще по каким причинам, это вопрос второго плана. Главное, что такой факт присутствует, и все усилия здравоохранения и общественности в этом направлении имеют нулевой эффект.

Наркоманы пачками гибнут от передоза. Объясняется это

просто: почти все психоактивные вещества – это сильные яды, наркоманы в основной своей массе не владеют специальными медицинскими либо фармацевтическими знаниями, зачастую «ставятся» наобум, как получится, либо в таком состоянии, что просто не соображают, как правильно произвести дозировку.

Есть мнение, что так им и надо, торчкам поганым. С точки зрения самопроизвольного очищения общества от недостойных элементов это мнение, может быть, и имеет рациональный смысл... Однако настораживает статистика. У нас сейчас депопуляция. Причем явно выраженная. То есть, если считать местечковыми масштабами, на десять умерших людей мы имеем примерно шесть-семь новорожденных. Нас с каждым годом становится все меньше.

Так вот, только по официальной статистике, у нас ежегодно умирает от передозировки от семидесяти до ста тысяч человек в возрасте от двенадцати до тридцати лет. Сколько наркоманов умирают от тривиальных болезней, с которыми не справляется пораженный ВИЧ-инфекцией организм, мы не знаем, потому что это уже рутинная медицинская статистика, не относящаяся к случаям чрезвычайного характера, каковым, например, является передозировка. Все дети, рожденные от наркоманов, имеют разной степени тяжести патологические отклонения, и статистикой об их количестве мы тоже не владем. Это, опять же, рутина. А на выходе получается, что мы потихоньку мрем и вырождаемся.

Мне пришлось вволю пообщаться с этой неблагополучной категорией нашего общества. Заметил: наркоманами становятся далеко не идиоты и вообще не самые худшие люди. Скажу более, наркоманы в основной массе – люди с тонкой душевной структурой и почти поголовно творческие личности. Сравните для примера процесс употребления у наркоманов и алкоголиков. Что проще, махнуть не глядя стакан сивухи или грамотно «поставиться»? С риском добыть грамм, озираясь и сканируя окрестности, добраться до «хаты», «замутить», филигранно выверить «дозняк», сделать инъекцию (а если «в одно лицо» и под коленку?!). Или зайти в магазин, взять пузырь, выйти и тут же нахлобучить. Разница есть, верно?

Наркоманами становятся профессора и ученые, инженеры, программисты, артисты, писатели и просто талантливые люди, которые при других условиях могли принести обществу немало пользы. Есть, конечно, и моральные уроды, как в любом другом слое общества, но подавляющее большинство в прошлом приличные люди, и мне их просто жаль. Измену, например (в прошлом – профессора Леонова), вообще жалко до слез. Какой человек пропал! А сколько их, таких Измен, ходит по Руси?

Короче. Не буду рассматривать причины, по которым эта часть общества выключена из процесса борьбы за выживание нации и умирает в расцвете сил. Это прерогатива специалистов. Скажу просто, что не согласен с мнением, приве-

денным четыремя абзацами выше.

Поверьте мне, очевидцу: это не самоочищение общества.

Это война, на которой снайперы противника методично и грамотно выбивают цвет нашей молодежи.

До ста тысяч потерь за год – неплохая военная статистика, верно?

Аспект второй: идеологический.

Наркотики – понятие до упора табуированное. Понятие в корне криминогенное, не имеющее права на существование в виде отдельного медицинско-фармакологического института вне криминальной тематики.

Для нашей молодежи это основной параметр привлекательности. Не «один из...», а, пожалуй, самый главный.

Скверно соображающая и остро чувствующая молодежь всегда против. Всегда вразрез. Сам был такой. Ваши законы тупые и несправедливые, ваш мир устроен неправильно! Почему? Да хотя бы потому, что воры и негодяи чувствуют себя в нем вольготно, а честные люди именуются лохами.

Что возразить? По факту так и получается. Это с возрастом приходит понимание всех оттенков и нюансов. А в молодости, когда юное существо думает вместо мозгов гормонами, мир для него исключительно черно-белый, и никаких оттенков оно не приемлет.

Это общее правило, и бороться с этим невозможно.

«Колеса», «травы», «стекло» – это, по сути, одна из протестных форм, в последнее время принимающих массовый

характер. Добавьте сюда клубно-дискотечный флер таинственности и эстетической привлекательности употребления, которым целенаправленно приправляют свое детище «бароны» – и наркотикам можно смело ставить высший балл по молодежной шкале противостояния обществу.

Это круто. Это кульно. Это полный расколбас.

Аспект третий: стратегический.

Давайте придушим на миг привычное наше прекраснодушие и тотальную политкорректность и будем рассуждать рационально.

ЭКСПАНСИЯ (от лат. *expansio* – распространение) – расширение сферы господства, влияния, распространение чего-либо за первоначальные пределы (напр., территориальная, экономическая, политическая экспансия).

Ребята, у нас с вами экспансия.

Называется эта экспансия так: исламизация России. Если не вдаваться в тонкости и сформулировать суть процесса в двух словах – это попросту замещение славян мусульманами. У нас хроническая депопуляция – у них перманентный демографический взрыв. Поэтому они едут к нам и забивают собой все пустые места. Славян все меньше, мест, как следствие, все больше, экспансия крепнет и мужает, растет вширь и вглубь.

Возьмем для примера азербайджанцев и таджиков. Без всяких предвзятостей, просто потому что представители этих двух наций давно и крепко сидят в наркобизнесе и ин-

интересны нам именно этим.

Мы давным-давно не производим ничего, что могли бы у нас покупать другие страны (кроме ВПК, сто процентов продукции которого мы продаем ребятам, с которыми завтра будет воевать весь цивилизованный мир). Мы живем исключительно за счет экспорта своего стратегического сырья, объем которого, кстати, далеко не безразмерен. Нас смело можно назвать торгово-строительной офисной страной. Ничего не производим, зато всем подряд торгуем, поголовно сидим в офисах и непрерывно строим, строим, строим...

Теперь угадайте с трех раз, в чьих руках сосредоточены почти сто процентов наших рынков и торговых комплексов? Если угадали, тогда еще вопрос: кто работает на наших бесчисленных стройках? И не в строку, но по теме: последний вопрос по столичному региону. Точнее, не вопрос, а этакий простенький тест-драйв. Встаньте на обочину автостреды в любом месте столицы. Поднимите руку. И задайтесь целью уехать на частном извозчике славянского происхождения.

Гы-гы... Я не Кассандра, но могу предположить, что уезжать будете полдня.

Короче. Поскольку мы торгово-строительная страна, с государственной точки зрения торговлю и строительство правильно будет считать стратегическими высотами.

Ну так вот, ребята, у меня для вас новость: с попустительства предателей-чиновников почти все наши стратегические высоты крепко и надежно заняты оккупантами. Гы-гы...

Не новость? Тогда вот это точно новость: в ближайшем будущем предателей-чиновников расстреливать за госизмену никто не будет. Мораторий и все такое прочее... Более того, посмотрите внимательно: в рядах этих самых предателей в последнее время все больше оккупантов. Деньги есть, упорства – выше крыши, лезут потихоньку во все щели, окапываются, укрепляются... Надо объяснять, чьи позиции они будут отстаивать и какую линию гнуть?

Далее. Наркотики – самое мощное оружие оккупантов. Не будем рассматривать экстази и кокаин (это преимущественно подарки от Запада и развеселых латиносов), сосредоточимся на том, от чего в основном гибнут наши люди. На опиатах и их производных.

В нашей стране опиатами традиционно торгуют таджики и азербайджанцы. В тесной связке. Таджики – оптовики, имеющие прямой доступ к производству, азербайджанцы – распространители, владельцы мощной и разветвленной дилерской сети. Еще торгуют цыгане – и от таджиков, и вообще всем подряд, но по сравнению с азербайджанским массивом это мелочь.

Для тех, кто не допер, объясняю, почему наркотики – это оружие.

Они им убивают наш генофонд, тут все просто. Видимо, мрем от водки не так быстро, как хотелось бы.

Мало того, это бинарное оружие. Средства, вырученные от продажи наркотиков, целиком идут на финансирование

экспансии. Привезем к вам на эти деньги партию новых таджиков и азербайджанцев, захватим очередной русский рынок (если такой существует в природе!), подкупим еще с десятков высокопоставленных русских предателей, или, что гораздо лучше, протолкнем в их ряды очередного своего парня.

Здорово, правда? Вы покупаете нашу отраву идохнете от этого, а мы на ваши деньги продолжаем латентный геноцид вашей нации. Удачи вам, братья-славяне...

Вот вам три аспекта.

Теперь давайте немного помечтаем.

Представим, что мы провели легализацию. По науке, по уму, грамотно и всесторонне, с полным контролем и тотальным охватом, а не абы как (как обычно у нас осуществляютсЯ все национальные проекты).

Тогда все вышеперечисленные аспекты аннулируются. Повсеместно работают клиники, наподобие нашей, наряду с квалифицированным медобслуживанием торчащего контингента проводится мощная профилактика, в минусе передозы, ВИЧ и иные сопутствующие заболевания, в плюсе – сто тысяч сохраненных жизней. Ну, пусть для начала не сто, а хотя бы половина – и то хлеб! Для вымирающей нации сейчас ценен каждый спасенный человек.

Наркоман – больной, наркотики – медпрепарат, не имеющий к криминалу никакого отношения. Потому что им теперь торгует государство. Это в пределах законных норм, это

легально, и потому вовсе не круто. Привлекательность для молодежи резко падает. Где тут, блин, протестная форма? Давайте, в противовес утраченному, запретим им быстро бегать на короткие дистанции. От этого ведь могут быть инсульты, травмы и все такое прочее! Вот увидите, начнут по ночам втихаря тусоваться на стадионах, бегать сотку со всем напряжением сил, тренироваться, делать ставки, родят подпольный тотализатор для этого дела, и так далее. Это кульно, это круто, это полный расколбас! Раскачанные менты-бегуны облавы делают, трейсеры (так величают себя экстремальные побегушники) от них валят по крышам и гаражам, через заборы сигают. Лепота! Прикинь, Саймон (перевод: Семен) вчера Эванса (перевод: Иван) порвал на британский флаг. На две десятых обошел, мазефакер четов! Фотофиниш заглянул, судьи передрались – не сошлись во мнении. Короче, пропали мои триста евриков...

А если кто-то попробует торговать как-то «слева» (а будет ли смысл вообще?), Собакины моментом расстреляют. Пуля в голову – и трупик падает между машин. Дилер в шоке, стоит, разинув пасть. Гхм-кхм... Эмм...

Да, согласен – это негуманно.

Но, по-моему, очень действенно...

Ну а с криминалом в этом случае вообще все понятно. Огромная армия оккупантов и их холуев из наших в этом случае остается без работы. И без дохода. Раз! И – на пенсию, ребята. Отдыхайте, мы тут как-нибудь сами...

Вот что такое легализация.

Вместо резюме по теме расскажу вам две короткие сказки про одно и то же, но с разными концами.

Сказка первая. Житейская.

Живете вы и ваши девяносто девять родственников в старом, огромном, благоустроенном доме. Это коммуналка, у вас не особо шикарно, но ничего, жить можно. Однако родственники ваши, к глубочайшему сожалению, довольно быстро умирают. А рожают не в пример медленнее. Отчего так? Да потому что неумеренно лакают огненную воду – как это ни прискорбно, большинство ваших родственников алкоголики, и от этого никуда не деться. Короче, убывает ваше народонаселение.

А ловкий пройдоха управдом (тоже вроде бы свой товарищ), задобренный подношениями, селит к вам на место каждого вашего умершего родственника по мусульманину. Ему, управдому, по тулумбасу, с кого взятки брать – лишь бы брать.

Ну, вроде бы ничего такого: ребята работающие, непьющие, берутся за любую грязную работу, которой ваши обленившиеся родовичи по обычаю чураются. А то, что иноверцы – ну и бог с ними, с басурманами, мы вообще по натуре своей народ веротерпимый.

Глядишь – их уже с десяток. Они формируются в определенную структуру, постепенно отчетливо вырисовывается не желающая ассимилироваться под ваш уклад ксения, или, что

привычнее для слуха, диаспора. Ваша родня, как выясняется, мрет не так быстро, как хотелось бы, так они придумали потихоньку травить самых молодых и умных, которые в случае конфликта могут дать отпор или просто вольно мыслить не в том направлении.

Это, конечно, нехорошо, но за руку ведь никто не ловит, а так – одни слухи...

Потом в один прекрасный момент оказывается, что их уже пятьдесят.

Теперь вас поровну. Критическая точка пройдена: вы уже чисто физически не в состоянии выгнать их вон, даже если очень захотите. Потому что вас пятьдесят со стариками, женщинами и детьми, бойцовское сословие в минимуме, оно или спилось, или сдохло от наркоты, а их – пятьдесят крепких здоровых мужиков. В драке «стенка на стенку» вам, увы, уже не выстоять.

Чуть погодя, лет через пятнадцать-двадцать, их уже семьдесят, а вас всего тридцать...

И теперь уже вы метете полы и выносите мусор. А они вовсю рулят и решают, пускать вас на кухню или наказать за плохое поведение лишением обеда. Потому что их больше.

Ну и, закономерно, наступает момент, когда вас остается с десятков, а их уже девяносто. И тогда они вам ласково говорят, почесывая жесткую щетину вострым ножиком: а примите-ка вы ислам, болезные. Чтобы были как все, обрезанные по самое не могу. А то как-то нехорошо получается –

все люди как люди, а вы какие-то не такие.

А не примете – придется с вами решать вопрос радикально...

Идиотская сказка? А вы бросьте пить дня на три и посмотрите с холодным вниманием вокруг. Пристально взглянитесь в детали. Не находите ничего похожего? А вы вообще в курсе, что у нас не так давно потребовали ввести пост вице-президента от мусульман?!

Сказка вторая. Скотская.

На огромном заливном лугу пасется здоровенное стадо коров. (Почему коров? Да просто такая навязчивая аллегория, Россия – добрая корова, которую сосут все, кому не лень.) А в заболоченной низине неподалеку обосновалась стая импортных волков, спустившихся с гор и прибежавших из далеких южных долин.

Волки эти потихоньку коровами обедают, но особо разгуляться им не дают: на лугу полно молодых здоровеньких бычков с острыми рогами, так что обеды – довольно рискованное занятие. И вообще, волчье житье в данной местности пока что особым комфортом не отличается. Логово в болоте, перемещаться приходится все время ползком – а то бычки заметят и на рога подымут; мясо на обед достается невкусное, потому как при таком положении дел удастся грызть только больных и истощенных буренок.

Какова генеральная задача волков в данной ситуации? Обеспечить себе более комфортабельные условия существо-

вания и расширить ареал своего влияния. Хотя бы для того, чтобы оборудовать логово в сухом подлеске, рядом с лугом, и не нести большие потери при каждом акте добычи пищи.

Назначать генеральное сражение на лугу – самоубийство, коров на порядок больше, пробегутся разок по волчьей стае и затопчут к скотской матери, тут даже и рога не нужны.

Поскольку волки склонностью к суициду никогда не страдали (это один из самых живучих подвидов), они из своего болотца изучают коровье житье, находят в нем закономерности и приступают к маневрам.

Ничего тут особо стратегического нет, вся суть маневров состоит в доставке некоей особой травки а la дурман² из региона произрастания и внедрении ее в коровий быт. Травка в небольшом количестве встречается повсеместно, но здесь ее совсем мало, и она какая-то слабенькая. А в далеких южных долинах ее полно, и до того она там забористая, что рога в кучу сводит.

Волки из далеких южных долин быстренько сгоняли до дому, переболтали с сородичами и моментом наладили канал поставки. Волки горные, более многочисленные, хитрые и проворные, в три приема навели мосты с некоторыми своекорыстными быками-ренегатами и организовали потре-

² Дурман обыкновенный (*Datura stramonium* L.) – однолетнее растение из семейства пасленовых....Взрослый крупнорогатый скот, как правило, не ест дурман, но молодежь – телки и бычки – иногда поедает листья и цветки, в результате чего происходит сильное отравление, чаще кончающееся смертью от паралича сердца. (...выписка из Сельскохозяйственной энциклопедии...)

бительский рынок.

И пошло дело. Бычки вовсю хряпают дурман – некоторые привыкают, а по большей части мрут как мухи. Глядишь, вскорости почти все младое скотопоголовье втянулось.

Волки только лапы потирают и хвостами крутят. Потихоньку оборудовали логово в сухом лесу, да не одно, а с запасом. На вырученные от продажи средства выписывают себе подкрепление – новые стаи из родных гор и далеких южных долин. Все больше их, ходят уже в рост, гордо и по-хозяйски, порой задирают понравившихся коров с краю стада средь бела дня. Потери при добыче, правда, бывают, но уже поменьше. Сидят, клыки точат да слюни пускают: вот уж скоро все норовистые бычата перемрут, то-то погуляем! Останутся одни коровы да пара дряхлых быков на развод. Чтобы, значит, было кому потомство плодить, а то ведь если совсем обедать нечем будет – тоже нехорошо...

И вдруг в один прекрасный день прибегают к вожакам разведчики и сообщают: у нас, аксакалы, для вас три новости.

Вожак удивлен: это че за фигня такая вразрез с традициями? Обычно бывают две новости, одна хорошая, другая плохая.

Нет, тут три, и все плохие.

Ну давайте, вываливайте.

Первое. Крупнорогатые у нас больше траву не берут. У них, типа того, своя появилась откуда-то. Более того, взрос-

лые особи придумали какую-то там хитрую дозировку, от которой бычата уже не мрут! Еще более того: их постепенно от этого дела отучают, переориентируют на васильки и ромашку.

В связи с этим вторая новость: скотопоголовье бойцовского класса сокращаться больше не будет. И посему наша мечта о том, что способные к сопротивлению особи вымрут и останутся одни податливые буренки, окончательно погибла.

Вот так ничего себе! А ну, все подъем, траву в зубы и бегом к стаду. Впаривать по любой цене, в убыток себе, если припрет – вообще задаром отдавать! Перебить ту цену, что установили крупнорогатые, завалить рынок товаром, бегом марш!

А все, уже не получится, уныло сообщили разведчики. Вот вам третья новость: крупнорогатые везде посадили волкодавов. Огромных, злобных, жутко клыкастых, отчаянно тупых и «никому ни кабельных». Ну, то есть совершенно неподкупных. Какие-то они аномально кровожадные, на подношения из сахарных косточек не реагируют совсем, питаются исключительно теплой волчатиной.

И что, никак не подобраться к стаду? Всегда ведь есть какие-то пути, лазейки, тайные тропы...

Никак. Пробовали уже. Моментально рвут в клочья. Вот вечером начнете считать своих курьеров, посмотрите. Выжили один-два, самые шустрые и проворные, и обратно они уже не пойдут ни за какие потроха. Потому что видели и зна-

ют: от всех остальных остались одни окровавленные серые уши.

Вожаки в ауте. Это что же такое получается? Получается, мы им теперь вроде как совсем без надобности?! И что нам сейчас, возвращаться несолоно хлебавши в родные горы и далекие южные долины?!! А мы ведь одну только траву, на манер парнокопытных, жрать не можем! Нам мясо надо! Мы же теперь все передохнем, мать вашу так!!! Вау-у-у-уууу!!!

Вот такая сказка из серии «Акела промахнулся»...

В общем, *правильная легализация* – это здорово.

А сомнения вот по какому поводу.

Наркотики – это огромные деньги. Добывает эти деньги огромная армия. У этой армии, в отличие от тех, кто сейчас пробует ей противостоять в нашем локальном случае, прекрасные позиции и отличные перспективы. Они у нас тут давным-давно окопались, пристрелялись и заняли все господствующие высоты. Я не особо соображаю в стратегии и тактике, но по курсу военной кафедры помню, что для успешной наступательной операции соотношение между атакующими и теми, кто сидит в обороне, должно быть три к одному. Тогда есть шанс победить. То есть примерно так: двоих убьют, а третий успеет добежать до вражеской траншеи.

А тут, боюсь, такая пропорция не получается. И даже один на один не получается. А смотрится все так, будто взвод отчаянных хлопцев под руководством какого-то сумасшедше-

го пьяного лейтенанта пробует наобум взять штурмом глубоко эшелонированный район обороны мотострелкового полка.

Вот так мне это видится.

И еще... Понимаете, нет precedентов. В истории нашей страны никому пока что не удавалось достичь в этом плане хоть каких-то успехов. Одни победные рапорты и жуткая закрытая статистика.

Вот маленький пример из соседней темы (в нашей, увы, вообще никаких примеров нет), которая зеркально похожа на нашу, только на порядок более глобальна.

Есть такой замечательный генерал Николаев. Я не знаю, нормальный он или маньяк, хорош ли как руководитель или полный бездарь, каков в быту и так далее – совершенно ничего не знаю об этом парне.

Но я горжусь, что являюсь его соотечественником. Я, в числе прочих миллионов патриотов Отчизны, снимаю шляпу перед этим былинным богатырем только лишь за один его поступок.

Будучи главой пограничной службы нашей страны, Николаев на сутки перекрыл доступ «левого» спирта через кавказскую границу. Отдельное спасибо отчаянным репортерам, которые посмели все это дело снять и показать нам с вами. Вообще, тогда еще присутствовало некое подобие свободной прессы: думаю, сейчас это было бы невозможно в принципе.

Мы с вами имели редчайшую в новейшей истории возможность лицезреть безразмерную колонну спиртовозов, застывшую у нашей границы в ожидании разрешения конфликта. И любой обыватель, даже слабенько владеющий арифметикой, мог на глазок прикинуть, какое неимоверно чудовищное количество отравы ежесуточно загоняют горячие кавказские парни в нашу коммуналку нелегальным порядком. Иными словами, нам явили товар лицом.

Генерала, ясен пень, мгновенно сняли. Почему сразу не убили – это уже чисто технический вопрос. Думаю, имел он крепкую поддержку на самом верхнем уровне, иначе бы просто так целые сутки не продержался. Однако никакая поддержка не смогла спасти его карьеру и уж тем более решить вопрос хотя бы даже насчет частичного ограничения ввоза в нашу страну «левого» спирта.

Но мы с вами *это* видели...

Господа и дамы, понятны ли масштабы бедствия? Очевиден ли объем работы, которой собираются заняться эти сумасшедшие «укамикадзенные» Собакины?

Не знаю... Мне пока что все это кажется весьма утопичным. Впрочем, может быть, это просто мое состояние не способствует оптимистическому взгляду на проблему, а на самом деле не так уж все и плохо. Короче, поживем – увидим...

Глава третья

Управление «Л»

Привет. Я Андрей Горбенко, и мы уже знакомы. Так что особо разгоняться не буду, малость поплачусь в жилетку и сразу переедем к нашим баранам. Или к баронам – как вам будет приятнее.

Вот есть такой – Яша Белый. Сорока пяти лет от роду, небольшого роста, но такой весь из себя розовый, упитанный, красивый и важный.

У Яши особняк за двенадцать «лимонов» у. е. в ста километрах от Москвы, две яхты на Волге – за пару получается чуток дешевле особняка, целый парк дорогих престижных иномарок и очень нескромные счета в разных банках. По поводу счетов – это не из серии ОБС (одна бабка сказала), мы его разрабатываем, вся информация проверена и подтверждена.

Яша пользуется большим авторитетом, имеет солидные связи и огромное влияние, на местном уровне он всемогущ. Короче, почти что бог местечкового разлива. Местные силовики и ребята из юстиции почитают за честь разделить с ним трапезу, администрация частенько обращается с просьбами решить разные проблемы, местная общественность, игриво улыбаясь и податливо оттопыривая попку, величает его биз-

нес «нашим градообразующим предприятием».

Вопрос. За что человек удостоился такой чести? Какую пользу принес стране, чем таким занимается, что у него разве что птичьего молока нет, и все на руках носят?

Ответ. Яша Белый – двойной барон. Он цыган. Глава местной цыганской банды (другого определения от меня не дожидетесь), или барон, как они любят себя величать. А еще Яша «держит» всю наркоторговлю в Торквелово и окрестностях. Если попросту, в обиходе – наркобарон.

То есть это тот самый человек, который целенаправленно убивает нашу молодежь и наносит колоссальный вред нашему генофонду, крестный отец всех торквеловских и черныярских даунов.

Блин... Нет, не поймите превратно, это не маразм – я давно в этой кухне, в курсе, что почем и кому на Руси жить хорошо...

Просто иногда находит. Е-мое, где логика?! Это как же, вашу мать, извиняюсь, понимать?! Все все знают, сокрушенно разводят руками, по центральным каналам раз в год показывают эти особняки (тут в Торквелово целая улица такая – кстати, не падайте: улица называется «проспект Яши Белого») и рассказывают, чем занимаются их хозяева...

И – ни фиги. Все остается на своих местах. Милиция, ФСКН, ФСБ, Совет безопасности и прочая и прочая... И Яша Белый. Почетный гражданин г. Торквелово, уважаемый человек, благодетель, меценат и попечитель учрежде-

ний среднего образования. На свои деньги построил школу – там все очень здорово, оборудовано по последнему слову техники, приглашены лучшие педагоги... и учатся одни цыганские дети – по телевизору недавно показывали, восторгались, как это все зашибись...

А вот, к примеру, есть еще Андрей Горбенко. Сирота, детдомовец, бывший погранец, нищий мент, все имущество – копеешная «шоха» и развалюха в Балашихе (и то бросил, и бог знает, удастся ли еще на той «шохе» поездить и в той развалюхе пожить).

И сейчас ситуация сложилась так, что этому Горбенко буквально все до одного места. То есть он так влетел по жизни, что все равно убьют – при любом раскладе, это лишь вопрос времени. Так что, сами понимаете, для него надуманных дилемм не существует, одним ублюдком больше, одним меньше – разницы буквально никакой.

Эй вы там, наверху! У нас по Руси ходят тысячи таких Горбенко. Тысячи! Намек понятен? Если нет, пригласите на собеседование, я прямо скажу, если вы такие тупые, сами не догадываетесь...

Уфф... Все, пар выпустил. Спасибо за терпение. Плавнo переезжаем к теме.

- Девятый – Первому.
- На приеме Девятый.
- Что-то ты совсем заснул.
- Да не о чем докладывать. Все нормально.

– Что, совсем никого?

– Ну, минут пятнадцать назад два черных джипа проезжали. Но они даже не притормозили.

– А посетители?

– Нету посетителей. Час назад последние двое вышли, больше никого не впускают. Табличку повесили – «спецобслуживание».

– Ну, понял. До связи...

Собакин едет на встречу с Яшей Белым. Пятница – «день гр. стакана» по местному летоисчислению, полдень.

Мы в обеспечении. С Собакиным в экипаже я и мои «руки» (опера из моего отделения – Виталий Белов и Витя Семенов, похожи друг на друга, как будто в самом деле близнецы). Плюс еще четверо оперов в двух машинах. Кроме того, неподалеку на трассе стоит микроавтобус с отделением Разуваева. Это резерв – на всякий случай.

То есть от ведомства, с представителем которого желает встретиться Яша Белый, присутствует один Собакин. Если вдруг что не срастется – все остальные вроде как и не при делах.

Вообще у нас за последнюю неделю уже наметилась определенная методика: Собакин прет паровозом, его направление генеральное, остальные наподобие состава, едут тихонько сзади, прячась за его широкой спиной. Типа того, что это он тут самый главный половой разбойник, по своей личной инициативе сурово любит всех, кто пасется на местном рын-

ке.

Идея, в общем-то, простая, и особой оригинальностью не отличается: ошизевший начальник межрайонного отдела, со всепобеждающей грацией бульдозера прокладывающий себе путь вверх по карьерной лестнице. Неуправляемый, дурной, никакое начальство справиться не может (легенда – крепкая волосатая рука на самых верхах), семьи нет, бесстрашный, как пьяный самурай. Короче, полный камикадзе. Маленький эксперимент в рамках общей программы: что в условиях современной России может сделать на месте руководитель средней руки, если у него «железное очко», никто не пинает сверху, а на самого себя ему глубоко плевать.

Эксперимент, правда, не совсем «чистый». В природе, как правило, не бывает таких людей, которым буквально нечего терять – всегда можно откопать что-то такое, что даже самому распоследнему отморозку дороже его никчемной жизни. Ну а такого, чтобы начальство вообще отошло в сторону и опустило руки, – такого вообще не может быть в принципе. У нас повсюду – жесткая вертикаль кормления, так что в «реале» такого типа давно бы сняли, перевели, уволили, убили.

Но тут, видимо, решили чистотой пренебречь – то ли других вариантов нет, то ли еще по какой причине.

И все вроде неплохо: Управление в тени, на виду только злобный, вконец отвязавшийся Собакин...

Однако получается, что он и в самом деле камикадзе. Я тут про себя, любимого, горько и возвышенно грустил: вот

он я, современный герой нашего времени, истребитель воров, положивший жизнь на алтарь служения Отечеству...

Но я-то в тени, спрятался, сижу тут, как в окопе, на охраняемом объекте, и никто не знает, куда вообще я делся.

А Собакина выставили на всеобщее обозрение. Как мишень в тире. Натe, любуйтесь, палите, кому не лень.

Думаю, надо иметь немалое мужество, чтобы добровольно подписаться на такой вот расклад. Я Собакина знаю мало, но уже лишь только за одно это он заслуживает самого глубокого уважения. Респект тебе, товарищ Собакин. Если тебя быстро убьют, я буду сильно расстроен...

– Первый – Девятому.

– Слушаю?

– Приехали.

– Конкретнее?

– Белый «Мерседес» заехал на стоянку. Объект и с ним двое – охрана, судя по всему, вышли, направляются ко входу. Так... Все – зашли.

– Больше никого?

– Никого.

– Хорошо. Мы сейчас подтянемся, смотри – не будет ли еще каких телодвижений...

Да, до настоящего момента мы ехали на встречу довольно вяло, а вернее будет сказать, просто стояли в укромном уголке неподалеку от назначенного места и выжидали. Собакин намеренно опаздывает (назначили на 13.00) – то ли

хочет важной шишкой показаться, то ли таким образом вызывает отношение к объекту – не знаю, он не делился на этот счет.

– Так, хлопцы, все сидим на связи, ждем команды. В «Данко» едем вчетвером, нечего там толпу создавать...

Опера остались на месте, Собакин, я и «близнецы» поехали на встречу.

Встреча назначена в кафе цыганского театра «Данко», что размещается в старинном купеческом особняке на окраине Торквелово.

Для справки: этот городок не всегда имел такое скверное имечко и еще более скверную репутацию. До еврейского переворота здесь жили преимущественно тороватые купцы и ремесленники, известные по всей России своим мастерством. Город назывался Марьин Посад, помимо всего прочего славился своими монастырями, в которые ездили лечить убогие со всей Руси, крестьянство окрестных деревень отличалось рачительностью и трудолюбием, а местные ярмарки бывали не хуже знаменитых нижегородских. Ловкие интернационалисты изничтожили крестьянство и купечество как класс, монахов расстреляли, монастыри перепрофилировали в тюрьмы, ремесленников забрали в Красную армию, а в окрестных деревнях стали сеять коноплю для нужд революции.

Значительно позже, уже в хрущевский период, город переименовали в честь товарища Торквемады, который вроде

бы где-то когда-то чего-то выжигал огнем и выковыривал мечом. Я интересовался данным товарищем: оказывается, он не только слыл большим мастером массового отжига, но на досуге, между делом, был инициатором изгнания евреев из Испании.

Как видите, тот, кто так неласково обозвал этот городок, был большим циником.

В хрущевский же период сюда за каким-то трюфелем понаехала целая орда Будулаев. То ли здесь климат особый, то ли еще где – но только лишь сезонными наездами дело не кончилось: вся таборная массовка в конечном итоге прочно обосновалась и угнездилась в этом славном местечке.

Теперь в бывшем театре русской драмы размещается цыганский театр «Данко». Театральное кафе пользуется огромной популярностью, здесь по вечерам тусуется местная элита. А в дневное время почтенный горожанин Яша Белый принимает в нем гостей и встречается с нужными людьми.

Собакин – нужный человек. Глава межрайонного отдела ФСКН. С того момента как его назначили, Яша Белый искал случай встретиться с ним. До сего дня Собакин ловко уклонялся, а теперь вдруг сам «навел мосты» и предложил пересечься. Для чего, спрашивается? А я не в курсе – подробностей Собакин не раскрывал, просто сказал, что надо поехать, пообщаться. У нас не принято без повода проявлять любопытство: если по делу что-то надо, скажет.

Единственно, немного напрягает: если едем просто об-

щаться, зачем прикрытие, да еще и резерв на трассе? Непонятно.

Впрочем, сейчас все узнаем...

* * *

Машину мы припарковали на стоянке, борт в борт с роскошным белоснежным фашистом, бликующим в лучах полуденного солнца всеми цветами радуги. Наша поношенная серая «Мазда» смотрелась рядом с этим красавцем как канализационная крыса у ног полярного медведя, но зрелищем насладиться было некому: разве что швейцару у входа.

– Так... Вы, хлопцы, берете охрану.

– В смысле, валим сразу, как заходим?

– В смысле: контроль – следите за каждым жестом. Товарищ непредсказуемый, так что подстраховаться не помешает... И вообще – посерьезнее.

– Понятно.

– За Яшей сам присмотрю. Стволы доставать только в самом крайнем случае. Прошу проявить выдержку...

– Че-то так стращаешь, будто к конченым отморозкам собрались. Яша – товарищ интеллигентный, кроме того, мы тут не на пустыре...

– Не, понятно, но... Короче, будьте готовы.

– К чему?

– Да увидите. Ко всему, короче.

– Однако заинтриговал!

– Ну все, потопали...

Швейцар у входа «прикинут по теме»: хромовые сапоги, плисовые шаровары, кумачовая атласная рубаха, кушак, кудри. Не в тему только цвет прически и национальность: парень явно славянских кровей, к тому же яркий блондин.

– Ну и как оно – в холуях у чернож?.. – походя уточнил Собакин, грузно поднимаясь на деревянное крыльцо с резными столбцами.

– Ничаво... – буркнул белый «цыган», поворачиваясь в профиль и пряча густо напудренный синяк под левым глазом.

– Ну-ну...

В кафе просторно и уютно. Небольшое фойе с гардеробом, две лестницы, справа и слева от входной арки (двери нет, только разноцветные висюльки), убегают на бельэтаж. Зал просторный, с высоченным потолком, аккуратно по центру – сцена. Судя по всему, раньше это был зрительный зал. Получается, они тут все разломали и сделали три в одном: жрут, пьют и смотрят представление. А там, где сейчас бельэтаж, раньше был балкон с ложами.

По периметру бельэтажа – кабинеты, затянутые бархатными шторами. Один кабинет, справа по курсу (некогда – крайняя ложа), расшторен, как заходишь в арку, сразу бросается в глаза – там сидят трое: милицкий, прокурорский и какой-то товарищ в штатском.

Имеет место этакая предпраздничная суета, одобренная всеобщим приподнятым настроением. Несколько столов посередке сдвинуты в ряд, бегают симпатичные официантки в ярких цыганских тряпках, таскают холодные закуски, по ходу дела хихикают и всем подряд строят глазки. С кухни доносится веселое переругивание поваров, в зале пахнет так вкусно, что хочется сразу же присесть к столу и чего-нибудь быстренько слопать. На сцене разминаются артисты, мужчинка микрофоны отлаживает, музыканты гитары настраивают.

Эх, гуляй, ромалы! Собакина, что ли, так встречают?! Здорово! И чего я не начальник всей местной Госкомдури? К нам приехал, к нам приехал...

Двое здоровенных мужчин в черных костюмах стоят справа от входа, едят нас глазами. Судя по физиям – цыгане, мал-мал курчавые, черноглазые. Костюмы просторные, непонятно, есть у них оружие или нет. А даже если и нет: непросто будет справиться. У нас, правда, один Собакин троих стоит – но ребята больно уж здоровы...

Так, а вот и Яша.

Яша страшно занят. Идет вдоль столов, берет одной рукой бутылки с напитками, придирчиво рассматривает, крутя во все стороны, в другой руке держит телефон и с кем-то деловито общается, умудряясь при этом периодически прерываться, чтобы отдать какие-то указания метрдотелю. Метрдотель, одетый не по форме (все в ярком, а он затянут в классический смокинг), почтительно шествует сзади, записывает

за хозяином, прилежно склонив голову набок.

– А, Гриша! Здравствуй, дорогой. Ты извини, я тут немного в запутках с планами: у меня, оказывается, сегодня московское правительство гуляет. Сейчас быстренько все органирую – потом с тобой... Минутку, ладно?

Ага, вот оно что... Это что – представление? Специально, чтобы поставить Собакина в стойло? Типа того, я звал, ты не ехал, теперь ты сам захотел, а я занят – и вообще, ваше место в кассе у биотуалета!

Если так – это круто. Это уже само по себе впечатляет: столько телодвижений, чтобы «посадить на понятия» злобного варяга, ворвавшегося в местную сонную благодать. Стой теперь, как дурак, посреди зала и осознавай, какой ты весь из себя никчемный. И по ходу дела строй перспективы, соображай, что с тобой могут сделать высокие покровители Яши, ежели вдруг поведешь себя как-нибудь неправильно.

– Да-да, я сказал – яхта уже готова... Нет, не стоит... Ну что ты как маленький! Я в курсе, что Юрий Владимирович любит футбол... Да, органирую – какие проблемы, дорогой? Первый раз, что ли?... Хорошо, сделаю... Да нет, можешь даже не звонить больше – все будет...

Интересно... Остаться посмотреть – москвичи приедут или это одни понты? То, что местных вельмож подтянул для важности, – это дело житейское, люди свои... Но если, в самом деле, и москвичей приурочил специально для того, чтобы разом расставить все точки над где надо, – тут уж я не

знаю... Глыба, матерый человечище!

– Уфф, вроде бы все. – Яша спрятал телефон, манерно оттопырив пальчик, промокнул и без того сухой лоб шелковым платочком. – Опаздывают – будут только через три часа. Устал я от них. Катаются, как к себе на дачу. С другой стороны – люди нужные, надо уважение оказывать... Ну что – пойдем, присядем...

Тут Яша дружески принял Собакина под локоток и широким жестом указал вверх – в сторону открытого кабинета на бельэтаже, где терпеливо ожидала троица местных вершителей судеб.

– ...перекусим, чем бог послал, заодно и поговорим...

Собакин решительно забрал руку, отстранился с дежурно-брезгливым видом – как дератизатор от очередной крысины...

И с расстановкой, внятно и довольно громко произнес:

– У нас на Руси не принято ломать хлеб с врагами и бесчестными людьми.

Яша заметно растерялся: развел руками, нервно огладил красивую серебристую бородку...

– Ну... Гхм-кхм... Эмм... Ты знаешь – я маленько нерусский...

...метнулся глазками, напоролся на мой тяжелый, изучающий взгляд, дернулся от неожиданности – будто током ударило, скомкал в руке платочек...

– Гхм-кхм... А ты у меня в гостях, так что...

– А я – русский, – непримиримо заявил Собакин. – И здесь ты тоже все попутал: это моя земля, и ты у меня в гостях. Так что жрать мы с тобой не будем. У нас и базара-то всего на полминуты: я тебе доведу, ты скажешь «да», и – разошлись.

Яша обескураженно крикнул и стал стремительно алеть щеками. Не ожидал.

– Ну, Гриша... Ну давай, объявляй...

– Не «объявляй», а доводи, – сурово поправил Собакин. – Довожу. Считая от сего дня, с четырнадцати ноль-ноль, у тебя ровно семьдесят два часа. За это время тебе надо продать все свое имущество, свернуть бизнес, собрать в кучу всех сородичей и свалить отсюда подальше. Как минимум за триста километров. Все понятно?

В зале вдруг стало тихо. Замерли на месте официантки, боясь звякнуть посудой, застыли, как изваяния, люди с гитарами на сцене, мэтр шикнул через раздачу – на кухне тоже воцарилась тишина. Слышно было, как наверху, в кабинете, кто-то из троицы властей предержащих нервно прочистил горло...

– Не понял... – Вид у Яши был такой, словно ему на званом обеде оглушительно пукнули в лицо. – Ты это... Ты вообще сам понял, что сейчас сказал?!

– Расшифровываю, – терпеливо пояснил Собакин. – Через семьдесят два часа в Черном Яре и Торквелово начнет действовать государственная программа «Контроль». Все нар-

козависимые регистрируются в Черноярской клинике, где они будут получать квалифицированную помощь. Реализация любых психоактивных веществ целиком и полностью переходит в государственную монополию. А все, кто попробует незаконно торговать наркотиками, будут уничтожены.

– Ты хотел сказать – арестованы...

– Я сказал что хотел. Повторю: будут уничтожены. Физически. У тебя в банде двести тридцать пять лиц наркоторгового возраста. Мы внесли в список всех, кто так или иначе связан с процессом торговли, включая детей от десяти лет и дальше. Так вот, чтобы избежать ненужных жертв, я делаю тебе щедрое предложение...

– Не понял... – Теперь Яша откровенно пошел пятнами. – Ты что, вообще...

– Слушай, урюк, ты че такой тупой? – Собакин сделал два шага к Яше (телохранители справа от входа заметно напряглись – мы с «близнецами» демонстративно развернулись в их сторону и сунули руки под мышки), взял его за галстук и с отеческой заботой стал поправлять узел. – Я тебе в третий раз повторяю, макака ты дебильная...

– Еще шаг – стреляю. – Я мгновенно выдернул из оперативки пистолет и направил на телохранителей, рванувшихся было к месту событий.

«Близнецы» тотчас же последовали моему примеру. У меня не особенно внушительный вид, но когда достаю оружие, люди верят тому, что я говорю: «шкафчики» замерли на ме-

сте и, спрятав руки за спины, стали пожирать нас взглядами.

Теперь ясно: нет у них оружия. Не ожидал Яша, что все будет вот так, чувствовал себя в безопасности, как в собственном доме...

— ...у тебя семьдесят два часа, чтобы собрать в кучу всю свою чернож... банду и с...ться отсюда на свою е... историческую родину...

— Э, коллега! — прокурорский товарищ вылез из кабинета, перегнулся через перила и, негодуя тряся сочными брылами, воззвал к собакинской служебной этике: — Ты чего тут устроил? Ну-ка, немедленно прекрати!

— Пи...сам слово не давали! — деловито огрызнулся Собакин на прокурорский окрик и, еще плотнее затянув галстук на шее Яши, страстно продолжил:

— Я не знаю, куда вы потащите свои грязные жирные ж... — в свою е...чую Бессарабию, или, е... пид...скую Трансильванию...

— В Индию, — зачем-то подсказал один из «близнецов» — грамотный Виталька Белов.

— Чего?! — Собакина аж перекосило — типа того, какого хрена ты лезешь, когда не спрашивают?!

— Цыгане происходят из Индии. По факту они — индусы...

— Да мне по х..., кто вы по факту, мрази е...! Индусы — так уе... в свой б...ский Мадрас или е... Бомбей. Короче — куда хотите. Но чтоб через семьдесят два часа ни одной вашей наркоторговой твари тут не было. Ты меня понял, сладкий

мой?!

– Да что ж это такое! – взвизгнул прокурорский. – Да скажи же что-нибудь, Виктор Михалыч, арестуй его, что ли...

– А ну прекращай! – теперь к прокурорскому присоединился милицкий из кабинета: погон снизу видно не было, но лицо – в три дня не объедешь. – Я тебя сейчас...

– Так, вы, там, наверху! – Взгляд Собакина метнулся вверх, преисполнился высшей степенью кровожадности и стал похож на двустволку. – А ну! Быстро! Захлопнули вафельницы! И – бегом в будку!!!

– Да ты...

– В будку, бл...!!! Че, х... поднимаете?! Ща арестую обоих за пособничество! У меня, б..., на каждого из вас – материал и санкция генерального. Только, б..., вякните мне еще че-нибудь!

Черт... Надеюсь, он знает, что делает. Один звонок – и нас будет выковыривать отсюда вся местная милиция вкупе с ОМОНОм и под руководством прокуратуры...

– Ну смотри, Собакин, – со смертельно обидой в голосе прошипел прокурорский. – Теперь-то ты уж точно допрыгался...

Ага, так он его знает! Ну, популярный у нас Григорий – просто ужас. Удивительно, как с такой известностью – и до сих пор жив-здоров...

– Так ты меня понял, нет?! – с придыханием уточнил Собакин, возвращая свою «двустволку» к Яше.

– Понял, – тихо ответил Яша, отступая на шаг назад и раздергивая туго затянутый узел галстука. – Я тебя понял... Бесстрашный ты человек, Гриша. У тебя семьи нету?

– Нету. – Собакин издевательски хмыкнул. – И клал я с разбега на все ваши угрозы. Кстати, заметил – вот этот паренек на тебя как-то так пристально смотрит?

Тут Собакин вполне дружелюбно подмигнул Яше и кивнул в мою сторону.

Так, а вот это совсем зря – мы так не договаривались!

– Это тот самый опер, что шлепнул Зураба.

Яша на миг даже забыл про унижение и ненависть: с большим интересом уставился на меня, как будто отмечая что-то в своей «оперативной памяти»...

– А теперь угадай с трех раз, чего он тут делает. Угадаешь – будет тебе подарок.

– Подарок?

– Да. Неплохой такой подарок – жизнь называется. Все, Яша, бывай. У тебя есть семьдесят два часа. Подумай о своем народе...

* * *

Обедали на базе.

– Ничего... Меня и здесь неплохо кормят, – тихонько вздохнул после обеда Собакин.

Раньше на Руси, нанимая работников, хозяин накрывал

им стол и смотрел, кто как ест. Была такая примета: если у человека отменный аппетит, значит, он и работник хороший.

Если судить по Собакину, то примета верная. Собакин – большой любитель пожрать. Я в принципе тоже отсутствием аппетита не страдаю, но до него мне далеко. Уже через час после обильного обеда он опять готов чего-нибудь пожевать, а когда о чем-то отвлеченно размышляет и «выключается» из обстановки, периодически бормочет что-то вот в таком духе:

– Пельмешек бы, с полсотни... Или сковородку картошечки с грибочками... Ммм...

Доводилось мне с такими товарищами трудиться. Они в буквальном смысле «горят» на работе: круглые сутки на ногах, постоянно поспешают, во все вникают и тратят на порядок больше энергии, чем остальные, – и физической и духовной. Ну и, понятно, при таких тратах возникает потребность в усиленном питании. Кстати, если таким людям удастся дожить до пенсии, они потом стремительно толстеют и превращаются в этаких ленивых жирных Обломовых. Не тех, что всем подряд устраивают обломы, а которые просто валяются на диване наподобие хрестоматийного героя Гончарова из одноименного романа.

Думаю, Собакин так сурово разговаривал с Яшей еще и потому, что в тот момент его душила крепенькая жаба: там было столько всяких деликатесов – но, увы, не для нас. Это ведь, наверное, надо быть вообще бессовестным, чтобы при-

нять угощение от человека, а потом трепать его за галстук и говорить в лицо гадости.

Понятно, что после разносолов в Яшином заведении нашу кухню можно назвать более чем скромной. Хотя, если не сравнивать с ресторанным меню, кормят у нас довольно вкусно и питательно.

Я спросил у обедавшего с нами Доценко (если кто запомнил – это начальник нашего отдела), есть ли какие-нибудь материалы на тех прихлебателей, что сидели у Яши на бельэтаже.

– Есть. – Доценко свойски подмигнул. – У нас много чего есть. И много на кого.

– А ты думал, я их просто вот так запросто на «понт» взял? – Собакин хмыкнул. – Обижаешь, коллега. Не та публика, чтоб понтами бросаться. Тут надо быть готовым ответить за каждое слово...

– А когда успели? – удивился я. – Мы за Яшу только-только взялись, с того краю еще никого не разрабатывали...

– Да мы тут ни при чем, – рассеянно буркнул Доценко, просматривая вполглаза какой-то список. – Это отдел обеспечения данные готовит...

Понятно... Отдел обеспечения – это те загадочные товарищи, что на общем собрании скрывали свои лица под вязаными шапочками. Поначалу я думал, что это именно они будут выполнять разного рода «деликатные поручения». По ходу работы выяснилось, что все деликатные поручения вы-

полняет как раз наш отдел. А эти загадочные хлопцы просто сидят на охраняемом объекте и, судя по торчащим из-за забора антеннам, работают с какими-то информационными технологиями. Может быть, занимаются технической разведкой, шпионажем или еще чем-то в таком духе.

Не понял только, зачем их заставляли прятать лица от остальных сотрудников. Тоже мне, великая тайна: местные менты и прокуратура в доле с наркобаронами. Думаю, такая жуткая тайна есть в каждом приличном городе нашей необъятной Родины и любой местный опер в нее посвящен с ног до головы. И ничего – обходимся как-то без шапочек...

Под персиковый компот обсудили незавидные собакинские перспективы. Прикинули примерный срок, когда разобиженные торквеловские все подчистую «пробьют» и начнут целенаправленно мстить. Раньше чем через неделю гранат в кабинет и киллеров на собакинских маршрутах ждать вряд ли стоит, но осторожность следует проявлять уже прямо сейчас. Вот допьём компот, выедем с базы – и сразу начнем проявлять.

– Про Зураба впарил? – уточнил Доценко.

– Да. – Собакин лукаво улыбнулся и покосился на меня. – Хм...

– Ну и как?

– «Как» мне или «как» им?

– Как вообще.

– Лично я получил огромное удовольствие. И от ультима-

тума и от сдачи Андрюхи. Чуть не кончил. Гы-гы...

– Однако и сволочи же вы, дорогие коллеги...

– А Яша?

– Яша, по-моему, тоже был на грани оргазма. Видел бы ты его лицо в тот момент! Короче, признаюсь: я таких тасок никогда раньше не испытывал. Верно замечено: правду говорить легко и приятно. А в этом случае было – ну просто очень приятно!

Понятно. Значит, этот вопрос был решен заранее – никакой самостоятельности, все по плану. Я даже не стал спрашивать, с какой целью меня сдали, – ответ наверняка будет: «оперативная необходимость», и вообще, тебе все равно уже все по...

– С этого момента один по городу не перемещаешься, – распорядился Доценко, сунув список в папку и соорудив суровый взгляд. – Минимум – с «близнецами», а лучше в сопровождении еще одного экипажа. Думаю, активность по твою душу начнется также не раньше, чем через дня три-четыре... Но надо постоянно быть начеку. Все, шутки кончились. Вступаем в фазу боевых действий...

* * *

После обеда я взял «близнецов» и отправился с дружеским визитом к художественным педрюкам. Или к педрюковским художникам – это уж как хотите.

С этими нехорошими художниками у нас получился прокол.

В рамках операции по ликвидации «Питерского канала» на одной из парковок у набережной стояла «техничка» и «слушала» «окна-очки» студии на четырнадцатом этаже. Устанавливать «наружку» за художниками смысла не было: они целыми днями торчали в студии, иногда там же и ночевали, а три вечера в неделю – пятницу, субботу и воскресенье – проводили в ночном клубе. А следить за каждым отдельно взятым посетителем студии – людей не хватит, у них там не студия, а проходной двор для «розово-голубой» публики.

Из-за отсутствия «наружки», или, проще говоря, людей, готовых в любой момент следовать за объектом куда угодно, мы упустили курьера.

До сего момента «питерский канал» работал по стандартной схеме: созванивались с Исаевым, «забивались» насчет доставки и «заряжали» человека с товаром. Исаев встречал человека, забирал товар, отдавал художникам и контролировал процесс. Как видите, все просто.

Скромное «самоубийство» подмосковного наркополицейского центральными каналами не освещалось. Мы не располагали фактами, свидетельствующими о том, что покровители Исаева были как-то связаны с поставщиками. Напротив, судя по всем данным, Исаев являлся единственным связующим звеном между местным рынком и «питерскими».

То есть не факт, что «питерские» вообще знали о гибели Исаева.

Ожидаемые действия «питерских»: звонок в никуда, озадаченность, посылка людей для «пробивки» ситуации. Нет подтверждения о безопасности канала – нет смысла отправлять курьера с дорогой посылкой. Послали людей, прояснили ситуацию, начали «наводить мосты» с новыми фигурами на игровом поле. То есть с Собакиным и прочими. Думаю, дальнейшее развитие событий понятно: за Собакиным для наркомафии начинается выжженная земля. Хе-хе...

А получилось все с точностью до наоборот. «Питерские», всегда отличавшиеся утонченностью стиля и раздражающей многих интеллигентской витиеватостью, в этот раз почему-то сработали нагло и прямолинейно. То есть «пробивать» они ничего не стали. В четверг, как обычно, прибыл курьер, прямиком направился к художникам, сдал товар и спокойно убыл восвояси.

Сонный парниша на «прослушке» не сразу и понял, что случилось. Думал, очередной кадр из местной нетрадиционной братии, слушал вполуха... Потом дважды прокрутил запись, «включился» и позвонил на базу: ой, ребята – чего скажу!

В общем, упустили курьера.

У нас было два варианта. Первый: дать художникам спокойно торговать (и таким образом отчасти саботировать работу клиники) и ждать следующего визита питерского курье-

ра. Второй: форсировать события.

После непродолжительных размышлений был безоговорочно принят второй вариант, с некоторым уточнением: грубо форсировать события.

* * *

По понятным причинам мне было неприятно заниматься этим делом. Неприятен дом, неприятен четырнадцатый этаж и особенно крыша...

Впрочем, на крышу подниматься не было нужды, ограничились верхним этажом, а «близнецы» по поводу моих неприятных ассоциаций были вообще не в курсе и отнеслись к мероприятию с веселым любопытством.

– Я буду Жана, а ты – Пьера, – определился шустрый Витя Семенов, ознакомившись в машине с ориентировками на художников. – Тебе стройненькие нравятся?

– Мне больше пухлые нравятся, – застенчиво поделился Виталий. – Как вытянешь по ж... пээр, как оно завизжит – аж на душе светло становится...

– Ну ты, садюга! А не пробовал сначала ласковые слова говорить?

– Ласковые слова... Я – солдат и не знаю слов любви!

– Поэтому сразу – пээр?

– Да, сразу. И потом, я думаю, мы там будем мебелью рабывать. А все ласковые слова скажет командир.

– Эт ты точно подметил. И вряд ли нам дадут потрогать кого-то за разные места. Верно, командир?

– Да нет, я сегодня добрый. Разбирайте, кто кому нравится, и сразу с порога начинайте трогать.

– Серьезно?!

– Вполне. Слушайте сюда: в общих чертах мне это видится следующим образом...

«Близнецы» всего на три года моложе меня. Смотрят мне в рот, с полпинка выполняют любое распоряжение, почти-тельно называют командиром.

Если бы нас троих поперли из органов, из нас получилась бы крепкое ядро ОПГ. У нас очень много общего. Мы все трое – детдомовские (я уже говорил, по какому основному признаку отбирали людей в мое отделение), служили в погранвойсках, работали оперуполномоченными в разных районных отделах и не по разу применяли оружие.

«Близнецы» – парни «в духе», тертые и крепкие, не курят, не злоупотребляют алкоголем, в свободное время качаются, жестко спарингуются друг с другом и по этой причине постоянно ходят с синяками и царапинами. В любом сироте детдом застревает до конца жизни, это люди особой формации. По сравнению с нормальными детьми они как волчата рядом с ласковыми домашними щенками. Я сам такой, в курсе, что почем.

Завоевать безоговорочный авторитет у таких типов непросто. Мой авторитет в данном случае, как мне кажется,

несколько натянут обстоятельствами. Я просто завалил «вора». Теперь «близнецы» (и ряд других соратников) относятся ко мне с особым пиететом, которого я не заслужил. Мне от этого немного неудобно. Как будто всех подряд обманул и теперь пользуюсь какими-то не положенными мне льготами...

В дом вошли в одно касание, как и в прошлый раз. Славную зажигалку подарили мне товарищи из НТО, наверное, еще не раз пригодится.

Поднялись на четырнадцатый этаж, полюбовались на дверь в секцию – закрыто, как и следовало ожидать. Спустились на площадку между этажами и стали ждать.

Ждали, когда гости захотят покинуть срамную обитель и кто-то из хозяев пойдет проводить до двери секции. Или припрется в гости очередной педрюковатый знаток искусства.

До этого созвонились с прослушкой, получили информацию: сидят там у них двое, пьют кофе, тематически чихают (забористый порошок!) и лячат тосы. Если уйдут быстро, это самый приятный вариант: неожиданно и вполне элегантно. До свиданья, милый – здравствуйте, Пьер, вот вам без ордера, но в дыню, пройдемте в апартаменты. Если новый гость – уже сложнее, мало ли какой там у них панорамный глазок? Надо будет четко рассчитать момент, подскочить секунда в секунду, как только откроют дверь в секцию.

Вариант насчет просто позвонить и сурово представить-

ся по вполне очевидным причинам не рассматривался вовсе. В рамках этого этапа разработки нам надо было сохранить весь кокаин и деньги, которые они успели выручить за сутки. Создавать форс-мажор, который мог бы оправдать в глазах «питерских» уничтожение вещдоков, категорически не рекомендовалось.

Девять с половиной минут мы стояли у парашки, обратив свои уши к двери в правую верхнюю секцию и пребывая в готовности рвануть по лестничному маршу вверх, как только она откроется.

«Близнецы» разминали ручонки и кровожадно сверкали глазками, а я, как и подобает мозгу всей банды, вяло генерировал варианты ответов для бдительных граждан, не имеющих отношения к педрюковатым художествам.

Мы – кто? Спецовок, разводных ключей, амперметров и прочих полезных вещей у нас нет. Пива-водки тоже нет, более того, мы даже не курим. Ну и чего мы тут делаем?

Так... На будущее: надо продумывать такие вещи заранее. Понятно, что мы мало похожи на бомжей, но надо учитывать местные особенности. Девять из десяти досужих пенсионеров в этом городе в свое время работали в «закрытых» учреждениях, в связи с чем страдают повышенной бдительностью и гипертрофированным бесстрашием. То есть у меня в Балашихе, например, четверо из пяти бабок, увидев на площадке незнакомых молодых людей с бесстыжими лицами, быстренько прошмыгнут мимо. А пятая, осмелившаяся

ся спросить, какого черта эти молодые торчат в ее подъезде, вполне удовлетворится ответом «не твое дело» и отсылком в разные известные места.

Здесь такой вариант не пройдет. И спросят, и проверят твою байку, а ответишь неправильно – тут же подымут шум. Местная специфика.

По истечении девяти с половиной минут дверь в секцию неожиданно распахнулась, выпуская наружу отчетливый клуб аромата поджариваемой на сале картошки. В комплекте к аромату прилагалась круглая бабуся в клетчатом фартуке, с мусорным ведром в одной руке и пыльным мешочком от пылесоса в другой.

– Ага! Кто такие? К кому?

Ну, е-мое... Как-то быстро она выкатилась, мы даже не успели сделать шаг вверх по лестнице. Придумать что-либо толковое в оправдание нашего торчания здесь я так и не сумел, а потому пошел на крайность: доверчиво достал свою милицейскую «ксиву», предъявил честное пионерское лицо и потыкал пальцем в сторону распахнутой двери.

– Давно пора! – одобрительно буркнула бабуся. – А чего ждем?

– Ждем, когда от них кто-нибудь выйдет, – приоткрыл я оперативный секрет. – Понимаете... Эмм... если просто так позвонить и представиться – успеют спрятать...

– Понимаю, – со значением кивнула бабуся. – А если от них за три часа никто не выйдет?

– Ну... Значит, будем ждать три часа. Хотя, конечно, будем надеяться на...

– Ладно, я помогу, – заговорщицки подмигнула бабуса. – Грамоту дадите?

– Грамоту? В смысле...

– За оказание содействия. А я ее в рамочку и под стекло. А то нехорошо: помру скоро, а от милиции – ни одной грамоты.

– Вообще-то просто так мы грамоты не раздаем... – Я быстро прикинул: десять минут на поиски картинок в сети, пять – оттиск местного УВД в «мастере печатей», пять – текст, пятнадцать секунд – вывод на печать... – Гхм-кхм... Но ввиду исключительной важности... Фамилия, имя, отчество?

– Агриппина Францевна Бадягина. Связист первой категории!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.